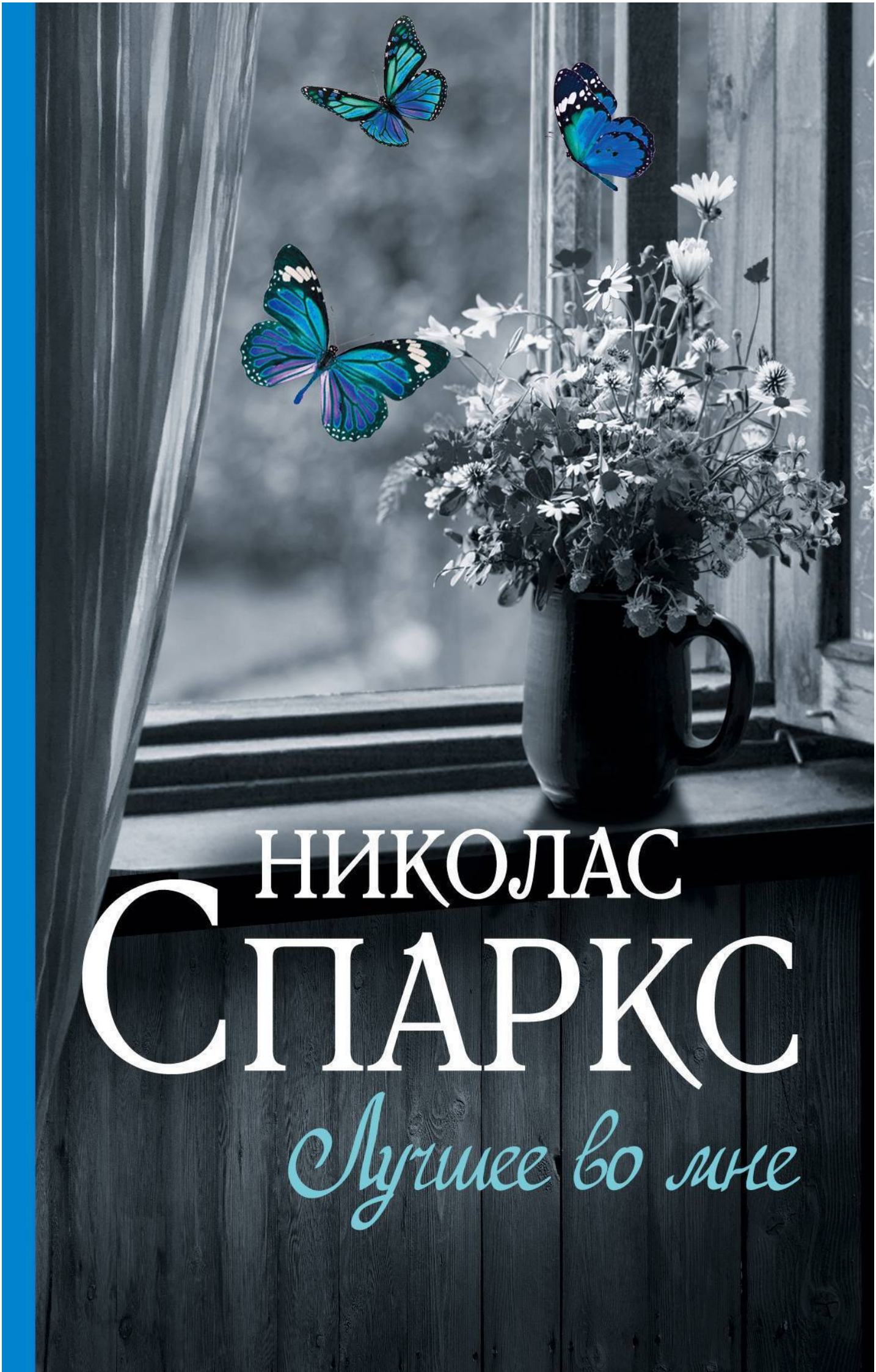

НИКОЛАС

СПАРКС

Лучшее во мне

Спаркс: чудо любви

Николас Спаркс

Лучшее во мне

«Издательство АСТ»
2011

Спаркс Н.

Лучшее во мне / Н. Спаркс — «Издательство АСТ», 2011 — (Спаркс: чудо любви)

ISBN 978-5-17-077575-0

Каждому хочется верить: настоящая любовь бессмертна. Каждому хочется надеяться: истинное чувство можно пронести сквозь годы и испытания… Доусон Коул и первая красавица школы Аманда полюбили друг друга, – однако жизнь развела их. Прошло много лет. Аманда стала женой другого, у нее семья, дом, дети… Но случай приводит ее в родной городок и дарит новую встречу с Доусоном. Их любовь вспыхивает вновь, – и Аманда, и Доусон понимают, что расставание было трагической ошибкой. Неужели, им представился шанс начать все сначала? Или у судьбы свои планы?

ISBN 978-5-17-077575-0

© Спаркс Н., 2011
© Издательство АСТ, 2011

Содержание

1 5
2 16
3 24
4 29
5 37
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Николас Спаркс
Лучшее во мне

Посвящается Скотту Швимеру,
замечательному другу

1

Галлюцинации начались у Доусона Коула после взрыва на нефтяной платформе, в тот день, когда он должен был погибнуть. А ведь чего он только не навидался за четырнадцать лет работы на буровых вышках! В 1997 году на его глазах потерял управление и взорвался, упав прямо на нефтяную платформу, идущий на посадку вертолет. Страшный огненный шар взметнулся ввысь. Доусон уцелел, только сильно обгорела спина – он получил ожоги второй степени. Четырнадцать человек – в основном пассажиры вертолета – погибли. Потом на платформу рухнул кран, а через четыре года после этого Доусону чуть не снесло голову куском оторвавшейся металлической арматуры размером с баскетбольный мяч. В 2004 году он и еще несколько рабочих, оставшись на нефтяной вышке, попали в ужасающий ураган «Иван», порывы ветра которого достигали более ста миль в час. Невероятной высоты волны реально грозили снести вышку, и Доусон даже подумал, не надеть ли парашют.

Случалось и другое. Всегда существовала опасность поскользнуться и упасть, получить удар какой-нибудь оторвавшейся от оборудования штуковиной, а на порезы и синяки уже никто из членов бригады давно не обращал внимания. То же касается переломов, их Доусон на своем веку видел-перевидел. Кроме того, он пережил два повальных отравления, от которых пострадала вся бригада. А два года назад, в 2007-м, на его глазах начало тонуть только что отчалившее от вышки грузовое судно, которое лишь в последнюю минуту спас оказавшийся неподалеку катер морской приграничной службы.

Но взрыв – другое дело. Хорошо, не произошло утечки масла – приборы безопасности и дублирующие их системы это предотвратили, и сюжет про аварию в новостных выпусках прозвучал неотчетливо, а через несколько дней о нем и вовсе забыли. Однако для свидетелей происшествия, в том числе и Доусона, он превратился в преследующий их ночной кошмар. Поначалу, вплоть до той самой минуты, это было утро как утро. Но когда Доусон стал осматривать насосные установки, один из нефтяных резервуаров вдруг взорвался. Доусон не успел даже понять, что произошло, как его взрывной волной отбросило на соседний ангар. А потом все потонуло в пламени. Покрытая маслом и нефтью платформа тут же превратилась в ад, поглотивший все сооружение полностью. Еще два более мощных взрыва потрясли всю вышку. Доусон помнил, как тащил чьи-то тела прочь от огня, однако четвертый, самый сокрушительный, взрыв подбросил его в воздух второй раз. В голове смутно отпечаталось, как он летел в воду. Все говорило за то, что он должен погибнуть. Но течением его унесло в Мексиканский залив, на расстояние примерно девяносто миль к югу от залива Вермилион, что в Луизиане.

Ни надеть спасательный жилет, ни достать индивидуальное плавсредство Доусон, конечно же, как и все остальные, не успел. Между волнами, в отдалении, он рассмотрел махавшего ему рукой темноволосого человека – тот словно бы звал Доусона к себе. И вот изможденный, страдающий от головокружения Доусон, преодолевая океанские волны, направился к незнакомцу. Одежда и сапоги тянули вниз, силы были на исходе, и Доусон понял, что его ждет гибель. Казалось, до берега недалеко, но точно сориентироваться ему мешали волны. И вот тогда Доусон увидел поблизости сиротливо дрейфующий среди обломков спасательный круг. Собрав последние силы, он ухватился за него. Позже он узнал, что пробыл в воде почти

четыре часа, в течение которых удалился от вышки на целую милю, и только потом его подобрало грузовое судно, поспешившее на место трагедии. Доусона подняли на борт и поместили в трюме, как и остальных выживших. От переохлаждения Доусон пребывал в бессознательном состоянии, его трясло от озноба, но, несмотря на застивший его глаза туман (позже у Доусона обнаружилось сотрясение мозга средней степени), он осознал, как ему повезло: у некоторых из выживших после взрыва руки и плечи обезображивали ужасные ожоги, а у других из ушей текла кровь. Кто-то придерживал сломанную конечность. Почти всех этих людей Доусон знал по именам.

Пространство для передвижений на вышке ограниченно. Это, по сути, маленькая деревня среди океана – и каждый рано или поздно оказывался либо в кафетерии, либо в комнате отдыха, либо в спортзале. И только одного из присутствующих, пристально смотревшего на Доусона из противоположного конца помещения, Доусон не мог вспомнить, хотя явно где-то его видел. Одетому в синюю, наверное, позаимствованную на корабле ветровку брюнету можно было дать на вид лет сорок. Казалось, в его облике было что-то странное, неуместное. Он скорее напоминал офисного служащего, чем рабочего. Человек махнул ему рукой, и Доусон вспомнил его – это был тот, кого он недавно видел в воде. Осознав это, Доусон вдруг ощутил приступ тревоги, однако не успел обнаружить причину беспокойства – на плечи ему накинули одеяло и отвели в угол, на медицинский осмотр.

Когда же Доусон вернулся на прежнее место, брюнет исчез. В течение всего следующего часа на борт продолжали поднимать других уцелевших. Постепенно отогреваясь, Доусон гадал, что сталось с остальными членами бригады. Людей, с которыми он вместе проработал не один год, рядом не было. Позже он узнает, что двадцать четыре человека погибли. Почти все тела, за небольшим исключением, были найдены. Поправляясь в больнице, Доусон все думал о том, что некоторым семьям не удалось даже попрощаться со своими родными.

После этого взрыва Доусон стал плохо спать – не из-за мучивших его кошмаров, он никак не мог отделаться от чувства, что за ним наблюдают. Пусть это звучало нелепо, но он ощущал себя… преследуемым объектом. И днем, и ночью он то и дело боковым зрением подмечал какое-то движение, но когда поворачивал голову, ничего подозрительного не обнаруживал. Уж не сходит ли он с ума, спрашивал себя Доусон. По мнению врача, Доусон страдал от посттравматического синдрома. Его мозг еще не оправился после контузии. Подобное объяснение имело под собой основание и звучало вполне логично, вот только Доусона оно не устраивало. Впрочем, он все равно согласно кивал, но выписанное врачом снотворное так и не купил.

Доусону дали шестимесячный отпуск. Колесо закона заработало. Через три недели компания предложила ему еще и денежную компенсацию, и Доусон подписал бумаги. К тому времени к нему уже обратилось полдесятка адвокатов, каждый из которых стремился первым подать коллективный иск, но Доусону эти хлопоты были ни к чему. Получив денежную компенсацию, он в тот же день положил чек в банк. Имея на своем счету достаточно средств, чтобы в глазах некоторых выглядеть богачом, он отправился в свой банк и перевел большую часть денег на Каймановы острова. Оттуда деньги попали на его общий счет в Панаме, открытый им при минимуме документов, а уже оттуда – в место их конечного назначения. Отследить эти деньги, как всегда, было практически невозможно.

Здесь Доусон оставил себе лишь столько, чтобы хватило оплатить жилье, да еще немного на кое-какие расходы. Ему не нужно было много. Он и не хотел много. Он жил в небольшом трейлере, припаркованном в конце грунтовой дороги в пригороде Нового Орлеана, и видевшие это жилище люди, верно, полагали, что главное его преимущество в том, что оно пережило ураган «Катрина» 2005 года. Обитый потрескавшимся, выцветшим пластиковым сайдингом, трейлер стоял на шлакоблоках – временном основании, постепенно ставшим постоянным. Трейлер состоял из спальни, ванной, загроможденной жилой комнаты и кухни, где едва умещался мини-холодильник. Полы от сырости со временем вздулись, и поэтому казалось, что

ходишь по наклонной плоскости. В тесной кухоньке, заставленной мебелью, на протяжении лет собираемой по комиссионкам и дешевым магазинам, линолеум растрескался по углам, а маленький коврик окончательно облысел. На стенах никаких фотографий. Хоть Доусон и жил здесь уже пятнадцать лет, трейлер воспринимался им не как дом, а скорее место, где он ел, спал и мылся.

Однако старенький трейлер Доусона всегда сиял чистотой, так же как и дома в районе Гарден. Доусон был помешан на чистоте. Дважды в год он замазывал трещины и заделывал швы, чтобы внутрь не проникли грызуны и насекомые, а перед возвращением на нефтяную вышку драил кухню и полы в ванной дезинфицирующим средством, вытряхивая из шкафов все, что могло испортиться или заплесневеть. Обычно он тридцать дней работал и тридцать отдыхал, и все, что не было герметично запечатано в металлические банки, портилось менее чем за неделю, тем более летом. По возвращении с вышки Доусон снова отмывал дом снизу доверху и как следует проветривал.

Однако при всех недостатках этого жилища здесь было тихо, ничего другого Доусон, в сущности, не желал. Он жил в четверти мили от главной дороги, а ближайший жилой квартал находился еще дальше. После месяца на буровой хотелось лишь тишины. Привыкнуть к постоянному шуму на вышке он так и не смог. К неестественному шуму и лязгу – от кранов, постоянно что-то передвигавших с места на место, от вертолетов, – в общем, к не смолкавшей ни на миг какофонии. Нефтяные вышки качали нефть круглые сутки, лишая ночами Доусона сна. Находясь на вахте, он как-то отключался от этого шума, но по возвращении в трейлер всякий раз поражался почти непроницаемой тишине даже днем, когда солнце стояло высоко в небе. По утрам до него из гущи ветвей доносилось пение птиц, по вечерам, вскоре после захода солнца, он слушал слаженную песню сверчков и лягушек. Обычно эти звуки его успокаивали, правда, иногда напоминали ему о доме, и тогда Доусон закрывался в трейлере, чтобы прогнать воспоминания. Пытаясь отвлечься, он старался сосредоточиться на простых, обыденных вещах, наполнявших его жизнь по возвращении на сушу.

Он ел. Он спал, бегал, упражнялся с гантелями и чинил машину, на которой время от времени ездил куда глаза глядят. Иногда рыбачил. Каждый вечер читал, иногда писал письма Таку Хостлетеру. Вот и все. Ни телевизора, ни радио Доусон не держал, правда, имел сотовый телефон, в списке которого содержались лишь рабочие номера. Раз в месяц Доусон запасался основными продуктами и всем необходимым, заезжал в книжный магазин и больше ни по каким делам в Новый Орлеан носа не высовывал. За четырнадцать лет он ни разу не побывал на Бурбон-стрит и не прогулялся по Французскому кварталу, не выпил кофе в «Кафе-дю-Монд» или коктейль «Ураган» в «Лафит-Блэксмит» или «Шоп-Бар». Доусон не посещал спортзал, он тренировался за трейлером под видавшем виды брезентом, который натянул между домом и соседними деревьями. В кино Доусон тоже не ходил и не просиживал в гостях у друга воскресные дни, когда играли «Сейнтс». В свои сорок два на свидания он в последний раз ходил в подростковом возрасте.

Большинство не пожелало бы или не смогло так жить. Его никто не знал. Никто не знал, кем раньше был Доусон или что он раньше делал, и Доусона это устраивало.

Но как-то в один из теплых дней середины июня Доусону позвонили, и воспоминания нахлынули на него с новой силой. От своего отпуска Доусон использовал почти девять недель, но все равно собрался домой впервые, кажется, за двадцать лет. Предстоящее тревожило его, но делать было нечего. Так был ему больше чем друг – он был ему как отец. Размышляя в тишине о времени длиной в год, ставший в его жизни переломным, Доусон снова заметил какое-то движение. Он обернулся и, в очередной раз ничего не увидев, решил, что, видимо, сходит с ума.

Доусону звонил Морган Тэннер, адвокат из Ориентала, что в Северной Каролине, который и сообщил, что Так Хостлетер умер.

«В некоторых случаях желательно личное присутствие», – сказал Тэннер.

Первой мыслью Доусона после того, как он отключил телефон, было купить билет на самолет, по прилете снять номер в местной гостинице, позвонить флористу и заказать цветы с доставкой.

Утром, заперев дверь своего жилища, Доусон подошел к жестяному сараю за трейлером, где он держал машину. Был четверг, 18 июня 2009 года. С собой он взял только единственный имевшийся у него костюм да сумку, которую собрал ночью, мучаясь бессонницей. Он отпер сарай, поднял дверь, и машина – за ней он ухаживал еще со школьных времен – блеснула ему солнечным лучом. Автомобиль представлял собой фастбэк 1969 года выпуска, из тех, на которые с восторгом оборачивались во времена президента Никсона и которыми восхищались и по сей день. Машина выглядела так, будто только что сошла с конвейера, и были люди, которые на протяжении многих лет уговаривали Доусона ее продать.

«Для меня это больше чем машина», – отвечал он, не вдаваясь в подробности. Так сразу бы понял, о чем он.

Бросив сумку с костюмом на пассажирское сиденье, Доусон уселся за руль. Он повернул ключ зажигания, и мотор ожил, громко зарокотав. Аккуратно вырулив на гравийную дорогу, Доусон остановился и выскочил из автомобиля, чтобы запереть сарай, – при этом он мысленно прошелся по списку необходимых дел, проверяя, не забыл ли чего. И уже через две минуты мчался по шоссе, а еще через полчаса парковался на стоянке у новоорлеанского аэропорта. Оставлять здесь машину ему очень не хотелось, но другого варианта не было. С вещами он направился к терминалу, где на стойке его ждал билет.

В аэропорту было людно: шли, держась за руку мужчины и женщины, целые семьи, собирающиеся навестить бабушек и дедушек или побывать в Диснейленде, студенты, направляющиеся либо домой с учебы, либо, наоборот, в учебные заведения, командированные, катящие за собой чемоданы и что-то тараторящие в сотовые телефоны на ходу. Встав в еле ползущую очередь, Доусон, через какое-то время оказавшись у стойки, предъявил документы и, ответив на традиционные вопросы секьюрити, получил посадочный талон. Ему предстояла лишь одна пересадка – в Шарлотте, при этом следующий самолет вылетал меньше чем за час. Неплохо. В Нью-Берне он возьмет напрокат машину. Ехать оттуда сорок минут. Если задержек в пути не возникнет, к вечеру он прибудет в Ориентал.

Лишь расположившись на своем месте в самолете, Доусон понял, как устал. Он точно не помнил, когда в конце концов уснул – последний раз, когда он смотрел на часы, было около четырех, – хотя планировал поспать в самолете. Кроме того, сразу по прибытии в город у него не было никаких срочных дел. Доусон был единственным ребенком у своих родителей. Однако его мать сбежала из семьи, когда сыну исполнилось три года, а отец осчастливил мир, окончательно спившись. Долгие годы Доусон не общался с родственниками и сейчас восстанавливать отношения с ними не собирался.

Просто съездит туда по-быстрому, и все. Сделает что надо, но дольше не останется. Хоть он и вырос в Ориентале, всегда чувствовал себя там чужим. Тот Ориентал, который он знал, не имел ничего общего с благостной картинкой из рекламы местного туристического бюро. Большинству приезжих Ориентал представлялся маленьким чудесным городком, пользующимся популярностью у художников и поэтов, а также пенсионеров, желающих одного – провести закат жизни, плавая по реке Ньюс. В городе было все, что требовалось: очаровательный старинный центр с неизбежными антикварными магазинами, художественными галереями и кафе, а еженедельных фестивалей здесь проходило больше, чем это, кажется, возможно в городе с населением менее тысячи человек. Но настоящий Ориентал, тот, который Доусон в детстве и юности знал не понаслышке, был городом, где хозяйничали семьи, предки которых здесь обос-

новались еще в колониальные времена. Именно таким, как судья Макколл и шериф Харрис, Юджиния Уилкокс и семьи Коллиер и Беннет, испокон веку принадлежала эта земля. Это они выращивали зерно, торговали древесиной и налаживали бизнес, представляя собой мощное подводное течение города, которым, по сути, руководили и формировали его облик по своему усмотрению.

Доусон узнал это, когда ему было восемнадцать, и получил подтверждение в двадцать три, решив навсегда отсюда уехать. Быть Коулом в округе Памлико вообще нелегко, а тем более в Ориентале. Насколько Доусону было известно, ни один из представителей семейства Коулов, вплоть до прапрадедушки, не избежал тюрьмы. В чем только Коулы не обвинялись – и в нападении с применением физической силы, и в поджоге, и в попытке убийства, и, наконец, в самом убийстве! Каменистый, покрытый лесом участок, где обитали Коулы, был все равно что отдельная страна со своими собственными правилами и обычаями. Горстка ветхих домиков, стандартных трейлеров да сараев-развалюх покрывали землю, которую Коулы называли домом, и даже шериф старался держаться подальше от этого места, появляясь там лишь в случае крайней необходимости. Обходили это поселение стороной и охотники, справедливо полагая, что объявление «НАРУШИТЕЛИ БУДУТ РАССТРЕЛЯНЫ НА МЕСТЕ» не предупреждение, а прямой посыл. Коулы занимались контрабандой и торговлей наркотиками, пили, били жен и детей, воровали, сводничали и при этом отличались патологической жестокостью. Как отмечалось в ныне уже закончившем свое существование печатном издании, Коулы в какое-то время считались самым порочным, мстительным семейством к востоку от Роли. Отец Доусона был типичным его представителем. Почти все время, начиная от двадцати с небольшим и до тридцати с небольшим, он провел в отсидке за различные преступления, в том числе за использование холодного оружия (ножа для колки льда) в отношении подрезавшего его на дороге водителя. Дважды – после исчезновения свидетелей – с него снимали обвинения в убийстве, и даже родственники его старались не сердить. Как и почему мать Доусона вышла за него замуж, для Доусона оставалось загадкой. Он не винил мать за то, что она сбежала – большую часть своего детства он мечтал о том же, – как не винил ее за то, что она не взяла его с собой. Мужчины в семье Коул никому и ни за что не отдали бы своих детей, и его отец, вне всяких сомнений, все равно бы выследил мать и забрал его к себе. Он не раз повторял это Доусону, и тот не спрашивал отца, что бы тот сделал, если б мать отказалась вернуть сына, – это и без того было ясно.

Интересно, думал Доусон, сколько родственников еще живы? Когда он уезжал, кроме отца, у него там оставались дед, четыре дяди, три тетки и шестнадцать двоюродных братьев и сестер. Теперь, когда все двоюродные выросли и обзавелись собственными детьми, родственников у него, наверное, прибавилось, но желания уточнять Доусон не испытывал. Хоть он и вырос среди этих людей, не чувствовал себя с ними своим, как и вообще в Ориентале. Возможно, его мать, какая бы она ни была, имела с этим миром нечто общее, но только не Доусон. Он единственный среди двоюродных братьев никогда не дрался в школе и прилично учился. Не притрагивался к наркотикам, не пил и, будучи подростком, избегал компании двоюродных братьев, когда те отправлялись в город на поиски приключений, обычно отговариваясь тем, что нужно караулить самогон или помочь разобрать машину, угнанную кем-то из родственников. Он старался держаться в тени и не привлекать к себе внимания.

Ему все время приходилось выступать в двух лицах. Тот факт, что Коулы бандиты, вовсе не означал, что они дураки, и Доусон инстинктивно понимал, что ему следует всеми силами скрывать свое отличие от них. Наверное, он был единственным учеником в истории своей школы, которому приходилось прилагать невероятные усилия, чтобы намеренно провалить зачет. Которому надо было научиться подделывать свой табель успеваемости, делая его хуже, чем он был на самом деле. Научиться незаметно, пока никто не видит, опустошить банку пива, воткнув в нее нож, и использовать работу в качестве повода избегать общества двоюродных братьев. Поначалу эти хитрости ему удавались, но со временем все изменилось в худшую сто-

рону. Однажды кто-то из учителей Доусона обмолвился одному алкоголику – приятелю его отца, что он лучший ученик в классе. К тому же родственников стало настораживать отсутствие у него одного из всей семьи конфликтов с законом. В клане, где верность и послушание своим ценились превыше всего, Доусон казался белой вороной, а страшнее греха не придумаешь.

Эта информация привела отца в ярость. И до этого Доусона били регулярно – с тех пор как он начал ходить. Отец любил ремень. К двенадцати годам к побоям уже примешивалось желание оскорбить Доусона как личность. Отец избивал сына до тех пор, пока спина и грудь у того не становились черно-синими, потом примерно через час побои повторялись, только теперь отец уже переключался на лицо и ноги мальчишки. Учителя знали о происходящем, но, опасаясь за свои семьи, предпочитали не вмешиваться. Встречая направляющегося домой из школы Доусона, шериф делал вид, что ничего не видит: ни синяков, ни кровоподтеков. Родственники тоже закрывали на это глаза. Эби и Сумасшедший Тед, старшие двоюродные братья Доусона, сами его не раз метелили не хуже отца. Эби – потому что, по его мнению, Доусону так и надо было, а Сумасшедший Тед просто любил это дело. Эби, высокий и широкоплечий, с кулачищами размером с тазобедренную кость, отличался необузданным нравом и вспыльчивостью и был умнее, чем хотел казаться. Сумасшедший Тед подлым родился. Уже в детском саду в потасовке из-за шоколадки он пырнул товарища ручкой. А в пятом классе, пока его не отчислили, отправил своего одноклассника на больничную койку. Еще поговаривали, что, будучи подростком, он порешил какого-то наркомана. Поэтому Доусон решил, что лучше не сопротивляться, и научился закрываться от ударов, пока его двоюродные братья не уставали или не теряли интереса к этому занятию, а иногда и то и другое.

Короче, он не пошел по стопам родственников, не включился в семейный бизнес и укрепился в уверенности, что никогда ничем таким заниматься не станет. Со временем он понял: чем больше кричишь, тем сильнее бьет отец, а потому стал молчать. Как бы ни был жесток отец, это не подняло его выше урки, а урки, как представлял себе Доусон, связываются только с теми, кого точно смогут одолеть. Он знал: придет время, и он станет сильным настолько, что сможет дать отпор и больше не будет бояться отца. Пока удары сыпались на него градом, он все пытался представить себе, какой силой характера должна была обладать его мать, чтобы порвать все связи с семьей.

Он делал все, что мог, лишь бы поскорее вырасти и окрепнуть. Привязав мешок с тряпками к дереву, он колотил по нему четырежды в день; укреплял мускулы, поднимая камни и части двигателя, то и дело подтягиваясь, отжимаясь от пола и делая приседания. В результате этих усилий он к тринадцати годам набрал десять фунтов мышечной массы, а к четырнадцати – еще двадцать. В пятнадцать лет он по росту почти догнал отца. Однажды вечером – месяц назад ему как раз стукнуло шестнадцать – отец после очередной попойки набросился на него с ремнем. Доусон, разозлившись, выдернул ремень из руки отца и пригрозил, что, если тот еще хоть раз его тронет, убьет его.

В тот вечер он ушел из дома и, не зная, где приткнуться, нашел приют в мастерской Така. Когда утром Так его обнаружил, Доусон попросился к нему на работу. Ничто не обязывало Така помогать Доусону – мало сказать, постороннему человеку, но еще и члену семейства Коулов. Пытаясь понять, что он за птица, Так вытер руки банданой, вытащив ее из кармана, затем достал сигареты. Ему, овдовевшему пару лет назад, в то время уже стукнул шестьдесят один год. От него пахло алкоголем, у него, курящего с детства «Кэмел» без фильтра, был хриплый голос и деревенский выговор, как и у Доусона.

– Разобрать-то ты ее, наверное, сможешь, а вот как насчет того, чтобы собрать?

– Смогу, сэр, – ответил Доусон.

– Ты сегодня учишься?

– Да, сэр.

– Тогда приходи сразу после школы – посмотрим, как это у тебя получится.

Доусон пришел и сделал все возможное в доказательство того, что он чего-то стоит. Тогда почти весь день шел дождь, и когда Доусон после работы снова юркнул в гараж, чтобы от него укрыться, Так его уже ждал.

Он ничего не сказал, лишь глубоко затянулся «Кэмелом», молча покосившись на Доусона, и снова ушел в дом. На земле, принадлежавшей Коулам, Доусон больше никогда не ночевал. Так за жилье денег с него не брал, а питался Доусон сам. Прошли месяцы, и ему пришлось задуматься о будущем. Он откладывал от заработка сколько мог – потратился только на фастбэк со свалки да покупал в закусочной сладкий чай в кувшинах объемом с галлон. По вечерам Доусон ремонтировал машину, попивая чай, и мечтал, как пойдет учиться в колледж, первый из Коулов, а также думал о том, чтобы пойти в армию или снять собственное жилье, но никакого решения так и не принял. Однажды в мастерской появился отец, который привел с собой Сумасшедшего Теда и Эби. Оба были вооружены бейсбольными битами, а в кармане Теда Доусон различил очертания ножа.

– Гони деньги, которые здесь заработал, – без предисловий начал отец.

– Нет, – сказал Доусон.

– Я знал, что ты ответишь так, мальчик, потому и привел с собой Теда и Эби. Они либо выбьют из тебя всю дурь, и я все равно заберу деньги, либо ты сам мне их отдашь в качестве компенсации за свой побег.

Доусон промолчал. Отец ковырял зубочисткой в зубах.

– Чтобы положить конец твоему спокойному существованию, нужно всего лишь дождаться любого преступления в городе, будь то кража или небольшой пожар. Чего угодно. Потом нужно просто подкинуть улики и сделать анонимный звонок шерифу. А дальше пусть закон работает как положено. Ты здесь ночью один, алиби у тебя нет, и мне плевать на то, что ты будешь до скончания своих дней гнить за железной решеткой и бетонной стеной. Мне до лампочки. Так почему бы тебе не отдать все сразу?

Доусон знал, что отец не блефует. Потому, храня невозмутимое выражение на лице, он вытащил деньги из бумажника. Пересчитав банкноты, отец выплюнул зубочистку и оскалабился.

– Приду на следующей неделе.

Доусону пришлось крутиться. Ему удавалось припрятать немного денег из заработанного на ремонт фастбэка и сладкий чай, но большая часть уходила отцу. Он хоть и подозревал, что Так в курсе происходящего, однако тот никогда ни словом ни о чем не обмолвился. Не потому что боялся Коулов, а потому что это его не касалось. Вместо этого он стал готовить себе на ужин гораздо больше еды, чем раньше.

– У меня тут осталось кое-что, возьми, если хочешь, – говорил он, принося тарелку в мастерскую. После этого он чаще всего без лишних разговоров уходил назад в дом. Вот такие у них с Доусоном были отношения, и Доусон их ценил. Ценил Така, который занял самое главное место в его жизни, и Доусон не представлял себе, что могло бы изменить ситуацию.

До того самого дня, когда в его жизнь вошла Аманда Коллиер.

Вообще-то он знал Аманду очень давно. В округе Памлико имелась лишь одна средняя школа, и Доусон учился там с Амандой с самого начала, но больше чем несколькими словами они обменялись весной в старших классах. Он всегда считал Аманду красивой, но в этом он был не одинок. Аманда пользовалась популярностью. Она была из тех девчонок, которые за столом в кафетерии всегда сидели в окружении друзей, в то время как мальчишки соперничали за их внимание. Аманда была не только лидером в классе, но и главной участницей группы поддержки спортивной команды. Вдобавок ко всему она происходила из богатой семьи, что делало ее для него недоступной вроде актрисы с экрана телевизора. Доусон не сказал ей ни слова, пока они не оказались в паре во время лабораторной работы по химии.

Пока они колдовали над пробирками и вместе готовились к итоговым контрольным, Доусон понял, что она вовсе не такая, какой он себе представлял ее вначале. Во-первых, тот факт, что она Коллиер, а он Коул, для нее, кажется, не имел никакого значения, что Доусона удивило. Она была смешлива и могла долго и безудержно хохотать, а когда улыбалась, в ее улыбке мелькало что-то озорное, словно она знала нечто, чего не знал, кроме нее, никто. Волосы цвета меда, цвета летнего неба глаза. Иногда, записывая в тетрадь уравнения, она, чтобы привлечь внимание Доусона, дотрагивалась до его руки, и он после этого еще долго ощущал это прикосновение. Днем, по дороге в гараж, он часто ловил себя на мысли, что не может не думать о ней. Дожив таким образом до весны, он наконец собрался с духом, чтобы спросить, можно ли ему купить ей мороженое. Чем ближе становился конец школьного года, тем больше времени они проводили вместе.

Это происходило в 1984 году, когда Доусону было семнадцать. К концу лета он понял, что влюблен, а когда похолодало и осенние листья один за одним стали сыпаться сверху, образуя красно-желтые ленты, никаких сомнений у него не осталось: он готов провести с ней всю жизнь, каким бы безумием это ни выглядело. В следующем году они сблизились еще больше и старались проводить вместе каждую минуту. С Амандой ему было очень легко, впервые Доусон был доволен жизнью. Даже сейчас он иногда не мог отделаться от воспоминаний об их последнем годе, что они провели вместе. Не мог больше ни о чем думать или, точнее сказать, ни о ком, кроме Аманды.

Доусон занял место в самолете и приготовился к полету. Он сидел у окна в середине салона, рядом с долговязой рыжей женщиной лет тридцати пяти. Не в его вкусе, хотя довольно симпатичная. Пытаясь нащупать ремень безопасности, она наклонилась к Доусону и виновато улыбнулась.

Доусон кивнул, но, уловив ее желание завязать разговор, устремил взгляд в окно. Наблюдая за отъезжающей от самолета багажной тележкой, он, как это нередко с ним случалось, растворился в воспоминаниях об Аманде. В его памяти воскресали картины прошлого – то, как они в их первое лето ходили купаться на Ньюс и их гладкие тела легко касались друг друга; как Аманда сидела на скамейке, обхватив руками подтянутые к груди колени, пока он возился со своей машиной в гараже Така. И тогда Доусон думал, что ничего в жизни ему больше не нужно – лишь бы смотреть вот так на нее. В августе, когда его машина впервые заработала, он повез Аманду на пляж. Они лежали на полотенцах, переплетя пальцы и обсуждая любимые книги, понравившиеся фильмы, поверяя друг другу свои тайны и мечты о будущем.

Случались между ними и размолвки. И тогда Доусон мог наблюдать ее взрывоопасный темперамент. Не сказать, чтобы ссоры между ними случались постоянно, однако и редкими их не назовешь. Но что примечательно: как бы стремительно их разногласия ни вспыхивали, они почти всегда так же быстро затухали. Иногда они ссорились по мелочам – Аманда была на редкость самоуверенна и упряма – и какое-то время яростно и обычно бестолково пререкались. Однако даже когда Доусон по-настоящему злился, он не мог не восхищаться искренностью Аманды, искренностью, без которой их отношения были бы невозможны, потому что Доусон в ее жизни был самым главным человеком.

Никто, кроме Така, не понимал, что она в нем нашла. На первых порах Доусон и Аманда пытались скрывать свои отношения. Но Ориентал – городок маленький, и слухи все равно поползли. От Аманды один за другим начали отдаляться друзья, и в конце концов обо всем узнали ее родители. Он – Коул, а она – Коллиер, и это стало более чем веским основанием для беспокойства. Сначала ее родители еще тешили себя надеждой, что Аманда переживает период подросткового бунтарства, и старались закрывать на происходящее глаза. Но по прошествии какого-то времени жизнь у Аманды осложнилась. У нее забрали водительские права и лишили телефона. Как-то осенью ее изолировали на несколько недель, запретив выходить из

дома по выходным. Доусону путь в их дом был закрыт, и единственный раз, когда отец Аманды разговаривал с ним, он назвал его «рвань подзаборная». Мать Аманды умоляла ее порвать с ним, а отец к декабрю перестал с ней разговаривать.

Однако враждебность окружающих лишь еще больше сблизила Аманду с Доусоном, и, когда он на улице предлагал ей свою руку, Аманда крепко сжимала ее, тем самым бросая окружающим вызов. Но Доусон не был наивен. Что бы Аманда для него ни значила, он всегда знал, что их время ограниченно, что они как бы берут его взаймы. Казалось, все и вся ополчились на них. Узнав про Аманду, отец Доусона, всякий раз являясь к нему с очередными поборами, начал расспрашивать о ней. Никакой угрозы в его тоне вроде бы не слышалось, но от одного лишь упоминания этим человеком ее имени у Доусона тошнотворно сосало под ложечкой.

В январе Аманде исполнилось восемнадцать, но, несмотря на крайне отрицательную реакцию ее родителей на их отношения, они не выгнали ее из дому, хотя дело к этому шло. Аманду к тому времени уже не волновало, что они там думают, по крайней мере именно так она всегда говорила Доусону. Иногда после очередной резкой перепалки с родителями она среди ночи потихоньку через окно своей спальни сбегала из дома и отправлялась к нему в гараж. Частенько Доусон поджидал ее, а бывало просыпался от того, что она устраивалась с ним рядом на матрасе, который он себе расстилал на полу в гараже. Иногда они уходили в бухту и сидели там на нижней ветке старинного дуба, и тогда Доусон обнимал ее за плечи. Луна высвечивала летающую над водой кефаль, в то время как Аманда дрожащим голосом пересказывала свои стычки с родителями, но при этом всегда старалась щадить чувства Доусона. И Доусон ее за это любил, хотя и сам знал, какого мнения о нем ее родители. Однажды вечером, глядя, как из ее глаз после очередной схватки с ними бегут слезы, он как можно деликатнее предложил ей расстаться.

– А ты этого хочешь? – срывающимся голосом прошептала она.

Доусон, обняв, притянул ее к себе.

– Я просто хочу, чтобы ты была счастлива, – так же шепотом ответил он.

Аманда прильнула к нему, склонила на его плечо голову. Он же, держа ее в своих объятиях, ненавидел себя за то, что родился Коулом.

– Для меня нет большего счастья, чем быть с тобой, – пробормотала она.

Той ночью они впервые занимались любовью. И все двадцать с лишним лет после этого Доусон глубоко в сердце хранил воспоминания об этой ночи и мог повторить в точности слова, что говорила ему Аманда.

Приземлившись в Шарлотте, Доусон перекинул сумку и пиджак через плечо и, полный воспоминаний об их с Амандой последнем лете, зашагал по терминалу, едва замечая происходящее вокруг. Той весной она получила подтверждение о зачислении в Университет Дьюка, учиться в котором мечтала с детства. Ожидание близкого отъезда Аманды лишь усилило их желание проводить как можно больше времени вместе. Они подолгу сидели на пляже, катались на машине, запуская на всю катушку радио, или просто околачивались в гараже у Така. Они дали клятву друг другу, что ее отъезд не повлияет на их отношения. Он будет ездить в Дарем, а она навещать его. Аманда была уверена, что все у них будет по-прежнему.

Однако у ее родителей были другие планы. Как-то субботним утром, в августе, за неделю с небольшим до ее отъезда в Дарем, они успели поймать ее до того, как она сбежала к Доусону. Говорила только мама, но подразумевалось, что отец с ней солидарен.

– Дело зашло слишком далеко, – начала мать на удивление спокойным голосом. – Если ты не прекратишь видеться с Доусоном, – заявила она, – тебе придется покинуть дом в сентябре и оплачивать свои счета, а также учебу в университете самостоятельно. Ради чего нам тратить деньги на твое образование, когда ты губишь свою жизнь?

Аманда хотела возразить, но мать перебила ее:

– Он утащит тебя за собой на дно, Аманда, но ты сейчас слишком молода, чтобы это осознать. И если ты хочешь свободы как взрослый человек – будь добра, как взрослый человек бери на себя ответственность. Хочешь погубить свою жизнь, оставшись с Доусоном, – пожалуйста, мы не станем тебя отговаривать, но и поддерживать тоже не будем.

С единственной мыслью – разыскать Доусона – Аманда выбежала из дома. Но когда увидела его, то не могла произнести ни слова – рыдания мешали ей говорить. Прижав ее к себе, Доусон слушал прерываемый слезами рассказ Аманды. Наконец она успокоилась.

– Мы будем жить вместе, – сказала она. Ее щеки были мокры от слез.

– Где? – спросил он. – Здесь? В гараже?

– Не знаю. Что-нибудь придумаем.

Доусон молча смотрел в пол.

– Ты должна ехать в колледж, – наконец заявил он.

– Плевать мне на колледж, – возразила Аманда. – Ты для меня важнее всего.

Доусон уронил руки.

– И ты для меня тоже. Именно поэтому я не могу принять от тебя эту жертву, – проговорил он.

Аманда озадаченно покачала головой.

– Ты ничего не можешь от меня принять. Это все из-за родителей. Они обращаются со мной как с ребенком.

– Все дело во мне, и мы оба это знаем. – Мыском ботинка он ковырял землю. – Если кого-то любишь, нужно дать ему свободу, отпустить его, ведь так?

Ее глаза в первый раз вспыхнули.

– А если тот, кого любишь, не хочет уходить, говорят, судьба? Ты эти прописные истины имеешь в виду? – Она крепко схватила Доусона, вонзившись пальцами в его руку.

– Но к нам они не имеют отношения, – продолжила она. – Мы придумаем, как быть. Я могу устроиться куда-нибудь официанткой или еще кем, и мы снимем жилье.

Доусон говорил спокойно, стараясь, чтобы не сорвался голос.

– Что ты говоришь? Думаешь, мой отец перестанет заниматься тем, чем занимается?

– Мы можем уехать отсюда.

– Куда? С чем? У меня ни гроша за душой. Неужели ты этого не понимаешь? – Его слова повисли в воздухе, Аманда молчала, и он продолжил: – Я просто стараюсь смотреть правде в глаза. Ведь речь идет о твоей жизни. И… мое дальнейшее присутствие в ней исключается.

– Что ты говоришь?

– Говорю, что твои родители правы.

– На самом деле ты не думаешь так.

Он понял, что напугал ее. И хоть Доусона нестерпимо тянуло крепко обнять ее, он сделал шаг назад.

– Иди домой, – сказал он.

Аманда подалась к нему.

– Доусон…

– Нет! – отрезал он, поспешно отступая еще дальше. – Ты не слушаешь меня. Между нами все кончено, ясно? Мы пытались, но у нас ничего не вышло. Жизнь идет дальше.

Лицо Аманды превратилось в безжизненную маску.

– Вот, значит, как?

Ничего не ответив, Доусон с трудом развернулся и зашагал к гаражу. Он знал: стоит ему лишь обернуться назад, и он сразу передумает, а этого сделать он не мог. Он так с ней не поступит. Не желая, чтобы Аманда видела его слезы, он поспешно нырнул под открытый капот фастбэка.

Когда Аманда наконец ушла, Доусон бессильно опустился на пыльный бетонный пол возле машины и очень долго сидел так, пока не пришел Так и не уселся рядом с ним молча.

– Стало быть, решил положить этому конец, – в конце концов проговорил Так.

– Я должен был это сделать. – Слова давались Доусону с трудом.

– Да, – кивнул Так. – Тяжело это.

Солнце поднималось все выше над головой, покрывая, словно одеялом, все видимое за пределами гаража каким-то смертоносным покоем.

– Я был прав?

Так вытащил из кармана пачку «Кэмела», выгадывая время для ответа. Постучав по пачке, он вытряхнул оттуда сигарету.

– Не знаю. Вас очень влечет друг к другу, это сразу видно. А когда такое случается, забыть бывает очень тяжело. – Потрепав Доусона по спине, Так встал, чтобы уйти. Никогда еще Так не посвящал Аманде такой длинной речи. Он ушел, а Доусон щурил на солнце глаза, из которых снова катились слезы. Он знал, что Аманда навсегда останется самой лучшей частью его существа, той частью, которую он всегда будет стремиться познать.

Одного он только не знал, что больше не увидит Аманду и больше не скажет ей ни слова. На следующей неделе Аманда уехала в Университет Дьюка, а через месяц после этого Доусона арестовали.

Последующие четыре года он провел за решеткой.

2

Оказавшись на окраине Ориентала, Аманда вышла из машины и устремила взгляд на лачугу, которую Так называл своим домом. Она провела за рулем три часа и теперь радовалась возможности размять ноги. Все еще ощущавшееся напряжение в шее и плечах напомнило об утренней ссоре с Фрэнком. Фрэнк все никак не мог взять в толк, какая ей нужда присутствовать на похоронах, и теперь, оглядываясь назад, Аманда думала, что, возможно, он в чем-то был прав. За почти двадцать лет их брака она ни разу не говорила ему о Таке Хостлетере. Поэтому на месте Фрэнка она тоже, наверное, обиделась бы.

Однако причиной ссоры явились вовсе не Так или секреты Аманды и даже не то, что еще один долгий уик-энд семья проведет без нее. В глубине души они оба знали, что эта размолвка на самом деле продолжение спора, который шел у них почти десять лет. Выяснение отношений у них происходило как обычно, без криков, без ярости – слава Богу, Фрэнк не из таких, – а в конце, перед тем как уйти на работу, Фрэнк коротко, тихо извинился. И как обычно, остаток утра и весь день Аманда изо всех сил пыталась это забыть. В конце концов, ничего поделать с этим она не могла, а потому со временем научилась отключаться и гасить в себе гнев и тревогу, которые со временем стали постоянными спутниками их жизни.

Пока она ехала в Ориентал, ей позвонили Джаред и Линн, ее старшие дети, и Аманда обрадовалась возможности отвлечься от своих мыслей. У детей были летние каникулы, и последние несколько недель в доме стоял несусветный гвалт – обычное дело для подростков. Лучшего времени для похорон Така и не придумаешь. Джаред и Линн уже давно планировали провести выходные с друзьями: Джаред с девочкой по имени Мелоди, а Линн хотела со своей одноклассницей покататься на лодке по озеру Норман, где у родственников ее подруги имелся дом. Аннет – их «счастливая оплошность», как называл ее Фрэнк – на две недели уехала в лагерь. Она, наверное, тоже позвонила бы, если б им там разрешали пользоваться сотовыми телефонами. Но им не разрешали, и это хорошо, не то маленькая болтушка, без сомнения, звонила бы ей с утра до ночи.

Мысли о детях заставили Аманду улыбнуться. Несмотря на то что она состояла волонтером в Педиатрическом Раковом центре Университета Дьюка, жизнь ее вращалась вокруг своих детей. С рождением Джареда и других детей она окончательно осела дома. При этом роль домохозяйки Аманду вовсе не тяготила, напротив, она даже наслаждалась ею, но все же некая часть ее существа восставала против ограничений, которые накладывала эта роль на ее жизнь. Аманде нравилось думать, будто она способна на большее, чем просто жена и мать. А потому она поступила в колледж, чтобы получить профессию учителя, и даже подумывала о научной степени и преподавании в одном из местных университетов. После окончания учебы ее взяли учителем в третий класс… Но тут в ее планы вмешалась жизнь. Теперь, в сорок два, она иногда посмеивалась над собой, говоря, что ей не терпелось повзрослеть, чтобы понять, чем ей хочется зарабатывать на жизнь. Кто-то мог сказать, что у нее кризис среднего возраста, вот только Аманда в этом сомневалась. Ей никогда не хотелось купить спортивную машину, пойти к пластическому хирургу или сбежать на какой-нибудь из островов в Карибском море. Дело вовсе не в том, что ей стало скучно – работа в больнице и дети не оставляли ей свободного времени. Просто чем дальше, тем больше она стала понимать, что ей уже никогда не стать такой, какой она когда-то мечтала быть, не представится подходящего случая. Долгое время она считала, что ей очень повезло – в основном из-за Фрэнка. Они познакомились на студенческой вечеринке, когда Аманда училась на втором курсе Университета Дьюка. Несмотря на царивший на вечеринке полный бедлам, они умудрились найти тихий уголок, где проговорили до рассвета. Фрэнк был на два года старшее ее, серьезный и умный, и даже в тот первый вечер Аманда уже знала: он непременно добьется успеха во всем, за что бы ни взялся. И для начала

этого вполне хватило. Через год, в августе, Фрэнк перешел в стоматологическую школу Чепел-Хилл, но они продолжали встречаться следующие два года. Помолвка была делом решенным, и в июле 1989 года, всего через несколько недель после того, как Аманда закончила университет, они поженились.

По окончании медового месяца, который они провели на Багамах, Аманда устроилась учителем в местную начальную школу, но через год, летом, родился Джаред, и она взяла отпуск. Спустя восемнадцать месяцев на свет появилась Линн, и отпуск Аманды растянулся на неопределенный срок. К тому времени Фрэнку удалось взять кредит. Денег хватило, чтобы открыть собственную практику и купить на первое время маленький домик в Дареме. Это были тяжелые годы. Фрэнк всего хотел добиться самостоятельно и помощь как от своей семьи, так и от семьи Аманды отказывался принимать. Хорошо, если после оплаты счетов им хватало денег, чтобы на выходные взять напрокат видеокассету. Они редко выбирались куда-нибудь поужинать, а когда их машина сломалась окончательно, Аманда оказалась на месяц прикованной к дому, пока у них не появились деньги на починку. Чтобы сократить счета за отопление, они спали, укрываясь несколькими одеялами. Какими бы напряженными и изнурительными ни были эти времена, думая о прошлом, Аманда считала эти годы также и самыми счастливыми годами их брака.

Практика Фрэнка постепенно росла, и их жизнь во многих отношениях стала предсказуема. Фрэнк работал, а Аманда вела хозяйство и смотрела за детьми. Третий ребенок, Бея, родился сразу после того, как они продали свой маленький дом и переехали в дом побольше, который построили в более престижном районе города. Времени стало еще меньше. Практика Фрэнка цвела пышным цветом, а Аманда возила Джареда в школу и из школы, а Линн по паркам и поиграть с другими детьми – Бея при этом сидела между ними в машине, пристегнутая в детском кресле. Именно в те годы Аманда снова стала подумывать о том, чтобы поступить в аспирантуру, даже нашла время просмотреть пару программ для соискателей степеней. Эти планы она начала строить, когда Бея пошла в сад, но Бея умерла, и амбиции Аманды сами по себе заглохли. Без всякой суеты она тихо отложила в сторону учебники, а бланки заявления спрятала в ящик стола.

Новая беременность окончательно поставила крест на учебе и стимулировала ее желание целиком и полностью посвятить себя семье. И, лишь бы не давать воли горю, Аманда страстно взялась за воспитание детей. Со временем их воспоминания о младшей сестре начали блекнуть. И, к удовлетворению Аманды, жизнь медленно, но верно для Джареда и Линн стала возвращаться в прежнее русло. С жизнерадостной Аннет им всем стало веселее, и Аманде иногда почти удавалось делать вид, будто у них счастливая семья, которой не коснулась трагедия и где все любят друг друга.

Однако притворяться, что у нее все отлично с мужем, было тяжело.

Аманда никогда не питала иллюзий насчет их брака – что он бесконечное блаженство и невозможная любовь. Да и в самом деле, если взять двух человек, живущих вместе, с неизбежными в их жизни подъемами и спадами, то любому станет ясно: бурных ссор не избежать, как бы люди друг друга ни любили. Но время шло, жизнь создавала все новые и новые проблемы. Комфорт и совместная жизнь – это прекрасно, но они притупляют ощущения и охлаждают страсть. Предсказуемость и привычка делают почти невозможными сюрпризы. Нечего было рассказывать друг другу; зачастую один знал, чем закончит фразу другой. Аманда с Фрэнком достигли той стадии в отношениях, когда хватало одного взгляда – слова становились лишними. Однако смерть Беи изменила супругов. Аманду она заставила посвятить себя добровольной работе в больнице, Фрэнка же, до этого иногда любившего выпить, превратила в самого настоящего алкоголика.

Аманда в отношении выпивки никогда не была ханжой. Будучи студенткой колледжа, она, случалось, перебирала на вечеринках, да и теперь любила выпить бокал-другой вина за

ужином. И этого ей почти всегда хватало. Однако Фрэнк, поначалу пивший, чтобы притупить боль, сорвался.

Оглядываясь назад, Аманда теперь понимала, что настоящий результат можно было предвидеть, когда он был еще студентом. Он и тогда практически не расставался со спиртным: и когда с приятелями следил за волейбольным матчем, и в стоматологической школе, расслабляясь после занятий с помощью двух-трех бокалов пива. В те страшные месяцы, когда болела Бея, два-три пива за вечер постепенно выросли до упаковки из шести бутылок. А после смерти дочери уже двадцати. Спустя два года после смерти Беи – Аманда тогда была беременна Аннет – Фрэнка уже можно было назвать беспробудным пьяницей – он пил, даже если на следующее утро ему предстояло идти на работу. Последнее время он пил четыре-пять вечеров в неделю, и последний вечер не стал исключением. Вдребезги пьяный, Фрэнк, ввалившись после полуночи в их спальню, своим оглушительным храпом никак не давал Аманде уснуть. Ей пришлось уйти спать в комнату для гостей. Так что истинной причиной их утренней ссоры стал вовсе не Так, а поведение Фрэнка.

Каким только не видела его Аманда за долгие годы: и что-то бормочущим заплетающимся языком за ужином или на барбекю, и валявшимся в беспамятстве на полу спальни. Но поскольку при всем том он считался отличным дантистом, он редко пропускал работу, всегда платил по счетам и пьяный не буйствовал. Фрэнк не считал, что у него есть какие-то проблемы. Да и какие, по его мнению, могут быть проблемы: ведь пил он обычно только пиво.

Однако проблема была, поскольку он постепенно превратился в человека, за которого Аманда никогда бы не вышла замуж. Сколько слез она пролила из-за этого. Сколько раз пыталась наставить его на путь истинный, увещевая подумать о детях. Умоляла обратиться к специалисту и раздражалась из-за его эгоизма. По нескольку дней игнорировала его, на несколько недель выгоняла спать в комнату для гостей и истово молилась Богу. Где-то раз в год, вняв ее мольбам, Фрэнк пытался завязать и какое-то время держался. Но через несколько недель за ужином выпивал пива. Всего один бокал. И вроде бы даже в тот вечер все еще было ничего. Как, возможно, и на следующий, когда он тоже выпивал один бокал. Но дверца уже открылась, демон снова вселялся в него, и все начиналось снова. Аманду мучили те же вопросы, что и в прошлом. Почему Фрэнк, когда у него вдруг возникало такое желание, не мог просто взять и уйти? И почему он отказывался признать, что его поведение разрушает их брак?

Аманда не знала ответа на этот вопрос. Но была уверена в одном: все это высасывает из нее силы. Она отдавала себе отчет, что дети почти полностью на ней. Пусть Джаред и Линн достаточно взрослые, чтобы водить машину, но что будет, если с одним из них что-нибудь случится, а Фрэнк в это время будет в запое? Сможет ли он запрыгнуть в машину и, пристегнув Аннет на заднем сиденье, помчаться в больницу? А если кто-нибудь заболеет? Ведь такое уже случалось. Не с детьми, а с ней. Несколько лет назад, после употребления каких-то испорченных морепродуктов, Аманду несколько часов кряду выворачивало в туалете. В это время Джаред, имея ученические водительские права, еще не мог ездить ночью, а Фрэнк в это время пил. В конце концов когда ситуация с Амандой стала критической, Джаред около полуночи все-таки повез ее в больницу. Фрэнк тем временем полулежал на заднем сиденье, изо всех сил пытаясь казаться трезвее, чем был на самом деле. Аманде было очень худо, но все же она заметила, как Джаред то и дело поглядывал в зеркало заднего вида, и на его лице попеременно отражались то гнев, то разочарование. Иногда ей приходило в голову, что именно в ту ночь он, еще ребенок, впервые лицом к лицу столкнувшись с ужасными пороками своего родителя, во многом лишился наивности.

Все это было постоянным, изнуряющим источником беспокойства, и Аманда устала волноваться о том, что думают или чувствуют дети, видя, как отец с трудом передвигается по дому, или о том, что Джаред и Линн, наверное, потеряли уважение к отцу, или о том, что в будущем

Джаред или Линн, а может, и Аннет могут последовать примеру отца, регулярно находя утешение в выпивке, таблетках или еще бог знает в чем, пока окончательно не погубят свои жизни.

Никто ей, в сущности, не помог. Даже без группы «Анонимные алкоголики» она понимала, что бессильна изменить Фрэнка. Пока он не признает свою проблему и не захочет исправиться, он будет пить. А что это значило для нее? Это значило, что ей нужно сделать выбор. Решить, будет ли она и дальше терпеть это, и если нет, то отчетливо представить себе все последствия своего решения и твердо держаться избранной позиции. В теории это было просто, а на практике вызывало раздражение. Почему, спрашивается, она должна брать на себя ответственность за его проблемы? И если алкоголизм – болезнь, разве это не означает, что он нуждается в ее помощи или по крайней мере в ее преданности. И как тогда ей, его жене, поклявшейся оставаться с ним и в радости, и в горе, после всего, что им пришлось вместе пережить, оправдать развод и раскол семьи? В одном случае она явит себя бессердечной матерью и женой, в другом – бесхарактерной потатчицей, тогда как ей хотелось только одного – чтобы ее муж снова стал тем, кого она когда-то полюбила.

Вот что делало ее жизнь такой тяжелой. Аманда на самом деле не хотела разводиться и разрушать семью. Несмотря на кризис их семейной жизни, в ней подспудно все еще тлела верность некогда данным ею брачным клятвам. Аманда любила того Фрэнка, которым он был когда-то и которым, она знала, он мог бы стать. Но здесь и сейчас, когда она стояла перед домом Така Хостлетера, ей было грустно, она чувствовала себя одинокой и все продолжала спрашивать себя, как же все так вышло.

* * *

Аманда знала, что мать ждет ее, но не была готова к встрече. Прошло еще несколько минут, и как только начало темнеть, она через заросший двор направилась к заваленному всякой всячиной гаражу, где Так реставрировал антикварные машины. В гараже стояла «корветт-стингрей» – наверное, модель 1960-х годов, угадала Аманда. Она провела рукой по капоту, и у нее возникло ощущение, будто в дверном проеме на фоне заходящего солнца вот-вот обозначится силуэт Така. Он войдет в запятнанной рабочей одежде, с лицом, изборожденным такими глубокими морщинами, что они больше похожи на шрамы.

Фрэнк сегодня утром расспрашивал о Таке, но Аманда не стала распространяться – сказала только, что он старый друг семьи. Это было далеко не все, но что еще она могла сказать? Она и сама признавала, что ее дружба с Таком была необычной. Аманда знала его школьницей средних классов, потом они долго не виделись и лишь шесть лет назад, когда ей исполнилось тридцать шесть, они возобновили знакомство. Она приехала в Ориентал к матери и, сидя за чашкой кофе в «Ирвинз-дайнер» случайно услышала разговор пожилых мужчин за соседним столиком, судачивших о Таке.

– То, что Так Хостлетер до сих пор творит с машинами, иначе, чем чудом, не назовешь, но бесспорно и то, что он окончательно спятил, – рассмеялся, качая головой, один из них. – Разговаривать с покойной женой – это бы еще ладно, но божиться, что и она ему отвечает – совсем другое дело.

– Он всегда был чудак, это точно, – хмыкнул приятель говорившего.

На Така, которого когда-то знала Аманда, это было совсем не похоже, и, заплатив за кофе, она села в машину и выехала на полузабытую проселочную дорогу, ведущую к его дому. Устроившись в креслах-качалках на обветшалой веранде Така, они провели весь день, и с тех пор Аманда наведывалась к нему всякий раз, когда бывала в городе. Сначала это случалось раз или два в год (она не могла видеть мать чаще), но последнее время Аманда стала приезжать в Ориентал и навещать Така даже в отсутствие матери. Частенько она готовила ему ужин. Так

старел, и Аманда уверяла себя, что просто приезжает навестить старика, однако на самом деле истинная причина ее приездов была известна обоим.

Человек в кафе в некотором смысле оказался прав. Так изменился. Он уже не был молчаливым, загадочным и порой неприветливым, каким Аманда его помнила со школьных времен, но и не выжил из ума, как считали многие. Он пока еще различал, где фантазия, а где реальность, и помнил, что жена его давно умерла. Однако, как представлялось Аманде, он мог одним лишь усилием воли материализовать свои мысли. По крайней мере для него они были реальностью. Когда наконец Аманда отважилась задать ему вопрос о его «беседах» с покойной женой, он как ни в чем не бывало ответил, что Клара до сих пор с ним рядом, и так будет, пока он жив.

– А ведь я не только разговариваю с ней, но еще и вижу ее, – признался он.

– Вы имеете в виду ее призрак? – переспросила Аманда.

– Нет, – сказал Так. – Я имею в виду, что ей не хочется оставлять меня одного.

– А сейчас она здесь?

Так устремил взгляд куда-то поверх плеча Аманды.

– Нет, сейчас не вижу, но слышу, как она слоняется по дому.

Аманда прислушалась, но ничего, кроме скрипа кресел-качалок и досок веранды под ними, не услышала.

– А она была рядом… здесь тогда? Давно?

– Нет. Но тогда я и не пытался ее увидеть, – глубоко вздохнув, устало проговорил Так.

Он был убежден, что это только благодаря их с Кларой любви они и после ее ухода нашли способ не разлучаться, и в этом было что-то, безусловно, очень трогательное и даже романтичное. Кто скажет, что это не так? Ведь каждому хочется верить в вечную любовь. Аманда и сама когда-то в нее верила – когда ей было восемнадцать. Правда, теперь она знала, что любовь – штука путаная, как жизнь. Она развивается по совершенно непредсказуемому и не понятному людям сценарию, оставляя после себя длинный шлейф сожалений. И почти всегда эти сожаления вызывают вопросы типа «что было бы, если бы…», ответа на которые не найти. Что было бы, если бы Бея не умерла? Что было бы, если бы Фрэнк не превратился в алкоголика? Что было бы, если б она вышла замуж за того, кого страстно любила? Узнала бы она тогда женщину, которая смотрит на нее сейчас из зеркала?

Привалившись к машине, Аманда думала, что сказал бы на это Так. Так, который каждое утро ел яйца и мамалыгу в «Ирвинз», пил пепси из бокалов, куда бросал жареный арахис; Так, который прожил в одном и том же доме почти семьдесят лет и выбирался за пределы штата лишь однажды, когда во время Второй мировой войны его призвали в армию. Так, который телевизору предпочитал радио или патефон, потому что так у него было заведено с давних пор. В отличие от Аманды Так, казалось, принимал отведенную ему в этом мире роль. Аманда допускала, что в этом безоговорочном приятии, возможно, заключена особая мудрость, которой сама она никогда не обладала.

Правда, у Така была Клара, и, может, в этом все дело. Они поженились, когда им было по семнадцать, и сорок два года прожили вместе. Из разговоров с Таком Аманда постепенно узнала о его жизни. Спокойно, без видимых эмоций Так сообщил ей о трех выкидышах Клары, последний из которых повлек за собой серьезные осложнения. После того как Клара услышала, что больше не сможет иметь детей, она плакала по вечерам каждый день почти год. Аманде также стало известно, что у Клары был огород, где она выращивала овощи и даже однажды победила в конкурсе на самую большую тыкву. А еще Аманда видела выцветшую синюю ленточку, до сих пор выглядывавшую из-за зеркала в спальне. Так рассказал Аманде, что, когда он наладил свой бизнес, они построили маленький домик на крошечном участке земли на реке Бэй близ Вандемира, по сравнению с которым Ориентал большой город, и они каждый год по нескольку недель жили там, поскольку Клара считала это место самым красивым на земле. Так

описал Аманде, как, убираясь в доме, Клара подпевала радио, и признался, что иногда водил ее на танцы в «Ред-Лиз-Грилл» – заведение, в которое Аманда регулярно ходила подростком.

В итоге она поняла: это была скромная жизнь, где любовь и радость находились в мелочах. Это была достойная и честная жизнь, не лишенная горестей, но полноценная и счастливая. Аманда знала, что Так понимал это как никто другой.

– С Кларой мне всегда было хорошо, – однажды подвел он итог.

Возможно, его душевность или все усиливающееся чувство одиночества были тому причиной, но Так для Аманды со временем стал кем-то вроде наперсника – ничего такого раньше Аманде и в голову прийти не могло. Именно с Таком она делилась своей болью и горем после смерти Беи, и только на его террасе она могла дать волю своему гневу на Фрэнка. Именно Таку она поверяла все свои тревоги: о детях, о себе – в ней все больше крепла уверенность, что в определенный момент своей жизни она свернула не на ту дорогу. Она рассказывала ему о разных случаях в Педиатрическом Раковом центре, об убитых горем родителях и невероятно оптимистичных детях, и Так, кажется, понимал, что эта работа для нее своеобразная отдушина в тяжелой атмосфере ее жизни, хотя и не распространялся на эту тему. Чаще всего он просто держал ее руку в своей заскорузлой, испачканной машинным маслом ладони, утешая своим молчанием. В конце концов он стал ей самым близким другом, который, как чувствовала Аманда, знает ее, настоящую, лучше, чем кто-либо другой.

Но вот ее друга и наперсника не стало. Уже тоскуя по нему, она скользнула взглядом по «стингрею». Интересно, знал ли Так, что эта машина станет для него последней, думала Аманда. Он ничего ей не говорил, но, вспоминая сейчас свой последний визит, Аманда поняла, что он скорее всего что-то предчувствовал. В ее последний приезд он вручил ей запасной ключ от дома и, подмигнув, сказал: «Смотри не потеряй, не то придется разбивать окно». Тогда Аманда не придала особого значения его словам и спрятала ключ в карман. Она вспоминала и другие странности в тот вечер. Аманда рылась у него в шкафах, думая, что бы приготовить на ужин, а Так сидел за столом и курил.

– Ты какое вино любишь, красное или белое? – внезапно, ни с того ни с сего спросил он.

– Когда как, – ответила Аманда, перебирая консервы. – Иногда за ужином люблю выпить бокал красного.

– У меня тут есть кое-какой запас, – объявил Так. – Вон в том шкафу.

Аманда обернулась.

– Откупорить бутылку?

– Да я никогда его особо не любил. Мне лучше, как всегда, пепси с арахисом. – Он стряхнул пепел в щербатую кофейную чашку. – Я и свежие стейки все время покупаю. Мне их по понедельникам доставляют от мясника. Они на нижней полке в холодильнике. Решетка для гриля на улице за домом.

Аманда шагнула к холодильнику.

– Поджарить вам стейк?

– Нет. Я обычно их на конец недели оставляю.

Аманда застыла в нерешительности, не понимая, к чему он клонит.

– То есть… вы меня просто ставите в известность?

Так молча кивнул, не сказав больше ни слова. Все это Аманда приписала возрасту и усталости. В итоге она приготовила ему яичницу с беконом и, пока Так сидел в кресле у камина, укутавшись в одеяло и слушая радио, прибиралась в доме. Она отметила про себя, как он сгорбился и усох, каким стал маленьким по сравнению с тем мужчиной, которого она знала в детстве. Перед самым отъездом, она подошла к нему и поправила одеяло, решив, что он заснул. Он тяжело дышал. Аманда наклонилась и поцеловала его в щеку.

– Я люблю вас, Так, – прошептала она.

Он слегка пошевелился, будто во сне, но, когда она развернулась, чтобы уйти, вздохнул.

– Как я скучаю по тебе, Клара, – пробормотал он.

Это были последние слова, которые она от него слышала. В них сквозила боль одиночества, и Аманда вдруг поняла, почему он когда-то принял к себе Доусона. Наверное, Таку и тогда было одиноко.

Аманда позвонила и сообщила Фрэнку, что доехала. Но у него уже заплетался язык. После нескольких слов она отключилась и порадовалась, что дети на эти выходные разъехались из дома.

Найдя на верстаке планшет с зажимом для бумаги, она задумалась, что теперь делать с машиной. Изучив записи, Аманда выяснила, что «стингрей» принадлежит защитнику «Урагана Каролины», и мысленно для себя отметила, что нужно обсудить этот вопрос с юристом, занимающимся имуществом Така. Отложив в сторону планшет, она поймала себя на мыслях о Доусоне. Он тоже был частью ее тайны. Если рассказывать Фрэнку о Таке, пришлось бы рассказывать и о Доусоне, а Аманде этого не хотелось. Так всегда понимал, что на самом деле именно из-за Доусона она приезжала к нему, особенно вначале. Так не возражал: он как никто другой понимал, насколько сильна память. Бывало, когда сквозь навес пробивался солнечный свет, заливая двор Така жидкой дымкой позднего лета, Аманда почти физически ощущала рядом с собой присутствие Доусона, и это в очередной раз доказывало, что Так далеко не сумасшедший. Душа Доусона, как и душа Клары, присутствовала здесь всюду.

Аманда знала, что пустое дело гадать, как повернулась бы ее жизнь, останься они с Доусоном вместе, однако последнее время ее все чаще тянуло сюда. И вместе с этим все живее становились воспоминания. Из глубин памяти всплывали давно позабытые события и ощущения прошлого. Здесь ничего не стоило вспомнить, какой сильной она чувствовала себя рядом с Доусоном, какой исключительной и красивой. Как она была уверена тогда, что Доусон – единственный человек на свете, который ее действительно понимал. Но главное – она помнила, как безоглядно любила его, и ту беззаветную страсть, с которой он любил ее.

В своей спокойной манере Доусон убедил ее, что нет ничего невозможного. Аманда передвигалась по забитому вещами гаражу, пропахшему бензином и маслом, ощущая на себе груз сотен проведенных ею здесь вечеров. Она пробежала пальцами по скамейке, на которой просиживала часами, наблюдая за Доусоном с черными от масла ногтями, склонившимся с гаечным ключом над открытым капотом фастбэка. Уже тогда его лицо было лишено свойственной юности мягкости и наивности, которую она наблюдала на лицах других сверстников. Когда же двигались мышцы его рук, тянущихся за очередным инструментом, она видела тело мужчины, которым он уже почти стал. Как и все обитатели Ориентала, она знала, что отец его регулярно бил, и когда Доусон работал без рубашки, на его спине виднелись шрамы, как видно, оставленные пряжкой ремня. Неизвестно, знал ли о них сам Доусон, и от этой мысли смотреть на них становилось еще тяжелее.

Доусон был строен и высок, темные волосы падали ему на глаза, еще более темные, чем волосы, и Аманда знала, что с годами он станет лишь красивее. Он совершенно не походил на остальных Коулов, и она как-то раз поинтересовалась, не похож ли он на мать. Они тогда сидели в его машине, в лобовое стекло которой стучал дождь. Доусон тоже, как и Так, почти всегда говорил тихо и спокойно.

– Не знаю, – ответил он, протирая запотевшее стекло. – Отец сжег все ее фотографии.

Однажды, в конце их первого совместного лета, они глубокой ночью спустились в небольшой док в бухте. Доусон где-то слышал, что ожидается метеоритный дождь. И вот они улеглись на расстеленном на досках одеяле и стали молча наблюдать за мелькавшими в небе огоньками. Аманда не сомневалась: знай родители, где она, сошли бы с ума, но в ту минуту для нее не было ничего, кроме проносившихся по небу звезд, тепла Доусона и его нежных объятий. Казалось, он не мыслил без нее будущего.

Неужели у всех первая любовь такова? У Аманды на этот счет были сомнения. Даже сейчас ее первая любовь волновала ее как ничто иное. Иногда она с тоской думала, что ей скорее всего не суждено будет снова испытать это чувство, ведь жизнь притупляет страсть. И еще она очень хорошо усвоила, что любви не бывает много.

Она стояла во дворе, за гаражом, и, глядя вдаль, думала, испытал ли Доусон такую же страсть еще раз и был ли он счастлив. Ей очень этого хотелось бы, но жизнь отсидевшего срок нелегка. По слухам, он не то снова попал в тюрьму, не то подсел на наркотики, не то и вовсе сгинул, хотя все эти варианты никак не вязались у нее с образом того человека, которого она знала. Отчасти именно поэтому она никогда не спрашивала о нем Така. Она боялась того, что могла услышать, и молчание Така лишь усиливало ее недобрые предчувствия. Она предпочитала неизвестность, хотя бы потому, что это позволяло ей вспоминать его таким, каким он был. Ее всегда интересовало, что чувствовал он, вспоминая их роман, и сохранил ли в своей душе восхищение перед тем, что между ними было, и, наконец, вспоминал ли он о ней вообще.

3

Самолет Доусона приземлился в Нью-Берне, когда солнце уже давно и уверенно прокладывало путь к западной линии горизонта. На арендованной машине Доусон пересек реку Ньюс и в Бриджтоне свернул на 55-ю автостраду. По обеим сторонам дороги тянулись фермерские дома, изредка перемежавшиеся развалинами табачных сараев. Равнина мерцала в свете дневного солнца. С тех пор как Доусон уехал отсюда много лет назад, здесь все осталось по-прежнему. А может, подумал он, тут уже лет сто ничего не менялось. Позади остались Грантсборо и Эльянс, Бейборо и Стоунуолл, городишки еще меньше Ориентала, и Доусону вдруг пришло в голову, что округ Памлико – все равно что потерянное во времени место, забытая страница в заброшенной книге.

А еще это его родина, и хоть Доусона с ней связывало много мучительных воспоминаний, именно здесь он дружил с Таком и именно здесь он встретил Аманду. Одно за другим перед ним вставали основные события его жизни, его детства, и, в тишине сидя за рулем, он размышлял, каким бы он стал, если б не встретил Така и Аманду, и главное, как сложилась бы его жизнь, если бы вечером 18 сентября 1985 года доктор Дэвид Боннер не решил пробежаться.

Доктор Боннер с женой и двумя маленькими детьми приехал в Ориентал за год до этого, в декабре. Долгое время город обходился без врача вообще. Тот, что был, ушел на пенсию в 1980 году и уехал во Флориду. С тех пор Окружной совет Ориентала тщетно пытался найти ему замену. Врач нужен был во что бы то ни стало, но, несмотря на многочисленные попытки властей заинтересовать потенциальных кандидатов, желающих переехать в это, по сути, болото долго не находилось. Однако, на счастье, жена доктора Боннера, Мэрилин, выросла в этих краях и, так же как и Аманда, считалась здесь особой почти что королевских кровей. Родители Мэрилин, Беннеты, выращивали яблоки, персики, виноград и чернику в огромном фруктовом саду на окраине города, и поэтому, окончив ординатуру, Дэвид Боннер переселился в родной город своей жены, где открыл собственную практику.

Работы у него с самого начала было невпроворот. Подуставшие от сорокаминутных поездок в Нью-Берн пациенты теперь роились возле его приемной, однако врач не питал иллюзий насчет возможности здесь разбогатеть. В захудалом городишке такого бедного округа, как этот, особо не разживешься, несмотря на прорву пациентов и семейные связи. Никто в городе об этом не знал, но фруктовый сад Беннетов был заложен, и не успел Дэвид приехать, как в тот же самый день тесть попросил у него взаймы. Но, даже ссудив тестю с тещей денег, доктор благодаря дешевой жизни в городе смог позволить себе дом в колониальном стиле с четырьмя спальнями с видом на бухту Смит, а его жена, вернувшись на родину, парила от счастья. По ее мнению, Ориентал – идеальное место для воспитания детей, и она была во многом права.

Доктор Боннер любил проводить время на природе. Он занимался серфингом и плавал, ездил на велосипеде и бегал. Люди часто видели, как после работы он бодро трусит по Бродстрит, а потом вдоль изгиба дороги на окраине города. Люди сигналили ему из машин или махали руками, а доктор Боннер, не останавливаясь, кивал им в ответ. Иногда после особенно длинного дня он выходил на пробежку лишь поздним вечером, когда темнело. Именно так было 18 сентября 1985 года. Он вышел из дома, когда на город начали опускаться сумерки. Доктор Боннер не знал, какими в тот день были скользкими дороги: целый день без перерыва моросил нудный дождь, который поднял нефть из битума, но оказался недостаточно сильным, чтобы смыть ее.

Доктор отправился своим обычным маршрутом – дорога занимала у него минут тридцать, – но в тот вечер он так и не вернулся домой. Когда на небе появилась луна, Мэрилин заволновалась и, попросив соседку присмотреть за детьми, села в машину и отправилась на поиски. На окраине города, прямо за изгибом дороги рядом с порослью деревьев, она увидела

«скорую помощь», шерифа и постепенно растущую толпу людей. Именно здесь ее мужа сбил грузовик. Водитель не справился с управлением, и машину занесло.

Грузовик, как сказали Мэрилин, принадлежал Таку Хостлетеру. Водителю, которому грозило обвинение в убийстве транспортным средством, а также в непреднамеренном убийстве, было восемнадцать лет, и на его руки уже надели наручники.

Его звали Доусон Коул.

В двух милях от окраины Ориентала – и поворота, который он никогда не забудет – Доусон заметил ответвлявшуюся от шоссе старую проселочную дорогу. Она вела к участку, где жили его родственники, и он вспомнил отца. Однажды явившийся к Доусону, ожидавшему суда в окружной тюрьме, надзиратель сообщил о посетителе. Через минуту перед Доусоном предстал отец с зубочисткой во рту.

– Ну, чего ты добился? Сбежал, связался с богатой девчонкой. И где кончил? В тюрьме. – Доусон заметил злорадный огонек в глазах отца. – Думал, что лучше меня, а вот и нет. Ты такой же, как я.

Доусон молча взирал на отца из угла своей камеры, ощущая нечто похожее на ненависть. Вот тогда он поклялся себе: что бы ни случилось, он больше никогда не скажет с отцом ни слова.

Суда не было. Несмотря на ходатайство государственного защитника, Доусона признали виновным и дали максимальный срок. В исправительной колонии Каледония в Галифаксе в Северной Каролине он работал на тюремной ферме – помогал выращивать зерно, пшеницу, хлопок и соевые бобы, собирал урожай, обливаясь потом на нещадно палящем солнце, и мерз, возделывая землю на ледяном северном ветру. И хотя он переписывался с Таком по почте, за четыре года к нему ни разу никто не приехал.

После досрочного освобождения Доусон вернулся в Ориентал. Он работал у Така, и во время поездок в автомагазин за запчастями, слышал, как люди шушукаются за его спиной. Он знал: он отверженный, дрянь-человек, Коул, убивший не только зятя Беннетов, но и единственного в городе врача, и чувство вины буквально душило его. В такие минуты он заходил к цветочнику в Нью-Берне, а потом отправлялся на кладбище Ориентала, где похоронили доктора Боннера. Доусон приносил на могилу цветы либо рано утром, либо поздно вечером, когда кругом почти никого не было, иногда оставался на кладбище час, иногда дольше, и все думал о жене и детях, оставшихся у доктора Боннера. В общем, он почти год провел в тени, стараясь как можно реже попадаться людям на глаза.

Однако родственнички не оставляли его в покое. Снова явившийся в гараж за данью отец привел с собой Теда. Отец был вооружен дробовиком, а Тед – бейсбольной битой, однако они просчитались, не взяв с собой Эби. Когда Доусон велел им подобру-поздорову убираться прочь, Тед сделал стремительный выпад, который, однако, оказался недостаточно быстрым: четыре года работы на полях под палящим зноем закалили Доусона, и он был готов к этой встрече. Он ломом сломал Теду нос и челюсть и, обезоружив отца, пересчитал старику ребра. Когда оба лежали на земле, Доусон, нацелив на них дробовик, предостерег от последующей встречи. Тед, подвывая, пригрозил убить его. Отец лишь ответил злобным взглядом. После этого Доусон стал спать с дробовиком и еще реже выходить из гаража. Он знал, что они могут прийти за ним в любую минуту, но судьба распорядилась иначе. Не прошло и недели, как Сумасшедший Тед ударил в баре человека ножом и сел в тюрьму. После этого папаша Доусона почему-то больше не приходил. А Доусон не задумывался почему. Он считал дни до того момента, когда наконец сможет уехать из Ориентала. Когда же окончился условный срок, он завернул дробовик в тряпку, положил его в ящик и закопал у подножия дуба на углу дома Така. Потом, погрузив вещи в машину и распрощавшись с Таком, он отправился в путь и в конце концов осел в Шарлотте. Там, устроившись на работу механиком, он по вечерам учился на

сварщика в местном колледже, а позже переселился в Луизиану, где пошел работать на нефтеперерабатывающий завод, откуда и попал на буровую вышку.

После освобождения из тюрьмы Доусон жил тихо, скромно и одиноко. Он никогда не ходил в гости к друзьям: их у него просто не было. Ни с какими женщинами, кроме Аманды, он никогда не встречался, поскольку даже сейчас ни о ком другом, кроме нее, не мог думать. Подпустить кого-то к себе означало позволить человеку узнать все о своем прошлом, и эта мысль Доусону была невыносима. Это он, бывший заключенный, из семьи уголовников убил хорошего человека. Хоть Доусон и отсидел свое честно, пытаясь искупить свою вину, он знал, что никогда не простит себе содеянного.

Все ближе и ближе. Доусон подъезжал к месту гибели доктора Боннера. Он рассеянно отметил про себя, что впереди вместо деревьев на повороте теперь стоит невысокое, приземистое здание с парковкой, покрытой гравием. Не глядя в ту сторону, Доусон продолжал внимательно следить за дорогой.

Не прошло и минуты, как он уже был в Ориентале. Он пересек центр города и переехал мост, перекинутый от места соединения бухты Гринз с бухтой Смит. В детстве, скрываясь от родственников, он часто сидел у моста, наблюдая за яхтами, воображая далекие гавани, в которые они, возможно, заходят, и места, в которых ему хотелось бы однажды побывать.

Как прежде, очарованный открывшимся перед ним видом, Доусон сбросил скорость. На пристани было полно народу, на яхтах мельтешили люди, тащили кулеры, отвязывали канаты, которые удерживали их судна. Всмотревшись в кроны деревьев, Доусон по колышущимся ветвям определил, что ветер достаточно силен, чтобы идти под полными парусами вплоть до самого моря.

Он бросил взгляд на гостиницу в зеркало заднего вида, где собрался остановиться, но понял, что пока не готов войти туда. Он остановился на ближней стороне моста и вылез из машины, с наслаждением разминая затекшие ноги. Интересно, прислали уже цветы от цветочника, рассеянно подумал он, и решил, что скоро это узнает. Подъезжая к Ньюс, он вспомнил, что эта река самая широкая в Соединенных Штатах до места ее соединения с лагуной Памлико-Саунд – мало кому известный факт. Он на этом не одно пари выиграл, особенно на нефтяных вышках, где почти каждый называл Миссисипи. Даже в Северной Каролине не всем это было известно. Он узнал это от Аманды.

И тут, как всегда, его мысли вернулись к Аманде: чем она, интересно, занимается, где и как живет. В том, что она замужем, Доусон не сомневался и на протяжении долгих лет пытался представить мужчину, которого она выбрала. Доусон хорошо знал Аманду, однако ему никак не удавалось представить, как она смеется или лежит в постели с другим мужчиной. Впрочем, это не важно. От прошлого можно убежать, если найдешь что-то получше, и, наверное, именно так, по предположению Доусона, случилось у Аманды. В общем, все как у всех. У каждого человека есть в прошлом нечто, о чем он сожалеет, каждый в прошлом совершал ошибки, но ошибка ошибке рознь. Доусона она заклеймила на всю жизнь. Доусон в очередной раз задумался о докторе Боннере и его семье, жизнь которой он разрушил.

Устремив взгляд на воду, он внезапно пожалел о своем решении вернуться. Он знал, что Мэрилин Боннер до сих пор живет в городе, и ему не хотелось с ней встречаться даже случайно. И своих родственников, которые, без сомнения, узнают о его приезде, он тоже видеть не хотел.

Словом, нечего ему здесь делать. Доусон понимал, почему Так оставил распоряжение своему адвокату известить его в случае своей смерти, но никак не мог взять в толк, отчего Так хотел, чтобы он непременно приехал. Доусон снова и снова прокручивал в голове этот вопрос, но логики Така так и не мог уловить. Тот никогда не приглашал его в гости: уж кому-кому, а ему было известно, что Доусон тут оставил. И сам в Луизиану Так никогда не приезжал. И

хотя Доусон регулярно писал Таку, тот ответами его не баловал. Оставалось предполагать, что у Така имелись на это какие-то свои причины, но что это за основания, оставалось неизвестно.

Доусон уж было собрался вернуться к машине, как заметил краем глаза какое-то движение. Он обернулся, тщетно выискивая источник, и впервые со времени своего спасения ему стало не по себе: он внезапно понял, что это не обман зрения, даже если его мозг не мог распознать причину. Заходящее солнце слепило, отражаясь от поверхности воды, и Доусон прищурился. Заслонив глаза от солнца, он просканировал взглядом пристань и заметил пожилого человека с женой, тащивших яхту на берег. На полпути к доку мужчина с голым торсом что-то высматривал в моторном отсеке. Он внимательно пригляделся к другим. Какая-то пара, среднего возраста возилась на палубе яхты, а группа подростков разгружала кулер после проведенного на воде дня. В дальнем конце пристани еще одна яхта отчаливала от берега, стараясь поймать предвечерний бриз, – словом, ничего необычного. И Доусон уж было собрался уйти, как вдруг заметил вдали черноволосого мужчину в синей ветровке. Стоя на краю причала, человек пристально смотрел на Доусона и, как и Доусон, загораживался от солнца. Доусон медленно опустил руку – и черноволосый человек, как в зеркале, повторил его движение. Доусон поспешно отступил назад. Незнакомец сделал то же самое. У Доусона перехватило дыхание, сердце тяжело забилось в груди.

«Сюрреализм какой-то. Этого не может быть».

Солнце приблизилось к горизонту, и рассмотреть черты незнакомца на его фоне было трудно, однако, несмотря на тусклый свет, Доусон вдруг ясно осознал, что это тот самый человек, которого он впервые увидел в океане, а потом на судне. Доусон учащенно моргал, пытаясь получше разглядеть незнакомца, но, когда его глаза наконец сфокусировались, увидел на пристани лишь очертания мачты с болтавшимися на ней изношенными канатами.

Увиденное испугало Доусона, и ему вдруг захотелось поскорее оказаться в доме Така. Когда-то он служил ему пристанищем, и Доусону вдруг вспомнилось ощущение покоя, которое он там находил. Мысль о необходимости разговаривать с посторонними в гостинице при заселении его не вдохновляла. Ему хотелось побыть в одиночестве и поразмыслить о черноволосом незнакомце. Либо сотрясение мозга оказалось серьезнее, чем подозревали врачи, либо врачи были правы насчет пережитого им стресса. Выруливая обратно на шоссе, Доусон решил еще раз провериться в Луизиане, хотя подозревал, что врачи скажут то же, что и раньше.

Отгоняя от себя тревожные мысли, он открыл окно машины и, вдыхая запах сосен и соленой воды, продолжил путь по вьющейся дороге среди деревьев. Свернув, его машина через несколько минут уже прыгала по разбитой, ухабистой дороге, ведущей к дому Така. Наконец показался дом. К удивлению Доусона, перед домом стояла «БМВ». Было очевидно, что машина принадлежала не Таку – слишком уж она была чистенькой, но главное – Так никогда бы не завел себе импортный автомобиль, и не потому, что не доверял качеству, а потому что не имел метрических инструментов для ее починки. Кроме того, Так всегда отдавал предпочтение пикапам, особенно выпущенным в 1960-х годах. За свою жизнь он восстановил их, наверное, с полдесятка и, прежде чем продать тем, кто положит на них глаз, на каждом ездил какое-то время. Таку важны были не столько деньги, сколько сама работа.

Доусон припарковался рядом с «БМВ» и вышел из машины, дивясь, как мало изменился дом. Он всегда был больше похож на хижину, еще когда Доусон здесь обитал, и всегда выглядел недостроенным и требующим ремонта. Чтобы несколько облагородить жилое пространство, Аманда как-то купила Таку цветок, который и по сей день стоял в углу на террасе, хотя давно увядший. Доусон помнил, как радовалась Аманда, когда они подарили Таку растение, хоть тот и плохо себе представлял, что с ним делать.

Доусон огляделся по сторонам. По ветке кизила бежала белка. С дерева посылал сигнал тревоги кардинал, и больше никого вокруг. Доусон двинулся вдоль дома по направлению к гаражу. Там, в тени сосен, было прохладнее. Завернув за угол и оказавшись на солнце, он уви-

дел в гараже женщину. Она разглядывала машину Така, наверное, последнюю из тех старинных, над которыми он работал. Возможно, кто-то из адвокатского бюро, сразу подумал Доусон. Он уже готов был поздороваться, как вдруг женщина обернулась, и он лишился дара речи.

Даже издалека она была красивее, чем он ее помнил, и какое-то время, показавшееся Доусону вечностью, он не мог произнести ни слова. Может, это очередная галлюцинация, подумал Доусон, но, медленно закрыв, а потом открыв глаза, понял, что не прав. Она была реальная и она была здесь, в прибежище, некогда принадлежавшем им обоим.

И вот, пока Аманда смотрела на него из прошлого, Доусон внезапно понял, почему Так Хостлетер настаивал на том, чтобы он вернулся в родной город.

4

Они замерли, не в силах ни пошевелиться, ни произнести хоть слово. Но постепенно удивление сменялось узнаванием. Насколько все же реальная Аманда ярче того образа, который жил в его воспоминаниях, – это было первое, что пришло в голову Доусону. В светлых волосах Аманды золотилось предвечернее солнце, а ее голубые глаза волновали даже на расстоянии. Но чем дольше Доусон вглядывался в нее, тем явственнее становились произошедшие с ней перемены: на лице ее, уже утратившем сияние молодости, более резко обозначились скулы, глаза с едва заметными морщинками возле висков как будто немного запали. Впрочем, время было к ней более чем милосердно, подумал Доусон: с тех пор как они виделись в последний раз, Аманда превратилась в потрясающую женщину в полном расцвете своей красоты.

Аманда, в свою очередь, тоже не сводила глаз с Доусона, впитывая в себя каждую черточку того, кто находился перед ее глазами: песочного цвета рубашку, небрежно заправленную в выцветшие джинсы, что подчеркивало его по-прежнему худые бедра и широкие плечи. Его такую знакомую улыбку, темные, как и в юности, но более длинные волосы, которые на висках уже посеребрила седина. Так же, как когда-то, черные глаза Доусона словно пронзали ее насквозь, правда, сейчас в них она заметила некую настороженность, которая часто появляется у тех, кто был обманут жизнью. Наверное, оттого, что их встреча произошла здесь, в том месте, которое так много значило для них, Аманда, охваченная порывом чувства, не находила что сказать.

– Аманда? – наконец произнес Доусон, делая движение по направлению к ней.

Удивление, прозвучавшее в его голосе, больше чем что-либо еще, убедило Аманду в том, что он не плод ее воображения. «Он на самом деле здесь, – подумала она, – это действительно он». И по мере того как Доусон преодолевал разделявшее их расстояние, Аманда чувствовала, пусть это покажется фантастическим, как постепенно тают разделявшие их годы. Оказавшись рядом с Амандой, Доусон раскрыл ей свои объятия, и она с готовностью устремилась в них, как когда-то много лет назад. И Доусон, как когда-то, когда был ее возлюбленным, крепко обнял ее, и она, прильнув к нему, вновь ощутила себя восемнадцатилетней.

– Привет, Доусон, – прошептала она.

Потом они еще долго стояли, тесно прижавшись друг к другу на фоне заходящего солнца, и Доусону показалось, что Аманда дрожит. Наконец они оторвались друг от друга, но Аманда почувствовала все, о чем он ей не мог сказать.

Аманда видела, как за эти годы изменился Доусон – он превратился в мужчину. Его загорелое, обветренное лицо было лицом человека, который много времени проводит на солнце. Заметила она и его слегка поредевшие волосы.

– Какими судьбами? – спросил Доусон, касаясь руки Аманды, словно лишний раз желая убедиться, что она настоящая.

Вопрос вернул Аманду к реальности. Вспомнив о том, кто она сейчас, она отстранилась от Доусона.

– Наверное, теми, что и ты. Когда ты приехал?

– Только что, – ответил Доусон, изумляясь своему неожиданному порыву посетить дом Така, чего изначально делать не собирался. – Просто не верится, что ты здесь. Ты выглядишь… просто потрясающе.

– Спасибо. – Аманда невольно покраснела, ее щеки запылали. – Как ты узнал, что я буду здесь?

– Я не знал, – сказал Доусон. – Меня просто потянуло сюда. А потом я увидел перед домом машину, завернул за угол, и…

Доусон умолк, не договорив, и Аманда за него докончила фразу:

– …и увидел меня.

– Да, – кивнул Доусон, в первый раз встречаясь с ней взглядом. – Увидел тебя.

Его взгляд, по-прежнему пронзительный, был устремлен на Аманду, которая отступила еще на шаг в надежде, что разговаривать на расстоянии им будет проще. В надежде, что он правильно ее поймет, она махнула рукой в сторону дома. – Ты собирался остановиться здесь?

Сощурившись, Доусон, посмотрел на дом и снова обернулся к Аманде:

– Нет, у меня номер в городской гостинице. А ты?

– Я остановлюсь у мамы. – Заметив недоумение на лице Доусона, Аманда пояснила: – Папа умер одиннадцать лет назад.

– Прости, – извинился Доусон.

Аманда лишь кивнула. Этот жест был хорошо знаком Доусону. Именно так она делала раньше, когда хотела закрыть тему. Взглянув на гараж, Доусон направился к нему.

– Ты не против? – спросил он. – Ведь я тут не был много лет.

– Конечно, – проговорила Аманда. – Иди.

Когда Доусон отдалился, Аманда почувствовала, как с ее плеч свалился груз, хотя до этого даже не подозревала, насколько она напряжена. Доусон заглянул в тесную захламленную мастерскую, провел рукой по верстаку, потрогал заржавленную монтировку. Он неспешно бродил по гаражу, оглядывал дощатые стены, крышу, крепленную на балках без потолка, стальной бочонок в углу, куда Так сливал излишки масла. Гидравлический домкрат и ящик для инструментов с защелкой стояли вдоль задней стены. Перед ними возвышалась груда покрышек. Напротив верстака располагались электронный шлифовальный станок и сварочное оборудование. В углу возле краскораспылителя был установлен пыльный вентилятор, лампочки висели на проводах, и везде, куда ни глянь, валялись запчасти.

– Тут, кажется, все, как прежде, ничего не изменилось, – заметил Доусон.

Аманда – ее все еще немного трясло – прошла за ним в глубь гаража, стараясь не приближаться к Доусону.

– Скорее всего. Так очень трепетно относился к своим инструментам, всегда их раскладывал по местам. Особенно эта щепетильность у него усилилась в последние годы. Наверное, память стала ему изменять.

– Я вообще не понимаю, как он еще ремонтировал машины в таком возрасте.

– Ну, объемы работ были уже не те. Он делал одну-две машины в год, и то если знал, что справится. Никаких крупномасштабных реставраций, ничего такого. Это первая машина, которую я здесь вижу за последнее время.

– Ты так говоришь, будто часто у него бывала.

– Да нет в общем-то. Приезжала раз в несколько месяцев. А до этого мы долгое время не поддерживали связи.

– Он никогда не упоминал о тебе в письмах, – задумчиво проговорил Доусон.

– Он и о тебе никогда со мной не заговаривал, – пожала плечами Аманда.

Кивнув, Доусон снова обратил внимание на верстак. Там на краю лежала аккуратно сложенная бандана Така. Взяв ее в руки, Доусон постучал пальцем по верстаку.

– Смотри, здесь сохранились инициалы, которые я вырезал тогда. И твои тоже.

– Я знаю, – сказала Аманда. Она также знала, что под инициалами вырезано слово «навеки». Она стояла, скрестив руки на груди, стараясь не смотреть на ладони Доусона. Сильные и натруженные руки рабочего человека, они все же оставались тонкими и изящными.

– Просто не верится, что его больше нет, – проговорил Доусон.

– Точно.

– Говоришь, память начала ему изменять?

– В основном по мелочам. Учитывая его возраст и то, сколько он выкуривал, можно сказать, что чувствовал он себя неплохо, когда мы виделись с ним последний раз.

– Когда это было?

– Где-то в конце февраля.

Доусон махнул рукой в сторону «стингрея»:

– Тебе что-нибудь известно о нем?

Аманда отрицательно покачала головой.

– Только то, что Так его ремонтировал. В его планшете ничего не разобрать, кроме расписания работ с машиной и имени владельца. Планшет вон там.

Доусон нашел листок заказа и, прежде чем осмотреть машину, внимательно прочитал написанное. Аманда наблюдала, как Доусон открывает капот и склоняется над машиной. Как при этом на его плечах натягивается рубашка. Аманда отвернулась, не желая, чтобы Доусон заметил, как она смотрит на него. В следующую минуту внимание Доусона переключилось на верстак. Он открывал крышки, хмуро кивая, перебирал запчасти.

– Странно, – проговорил он.

– Что странно?

– Не похоже это на реставрацию. Он ремонтировал в основном двигатель и связанные с ним детали: карбюратор, сцепление, еще кое-что. Наверное, он ждал, когда привезут запчасти. В случае со старыми машинами на это иногда требуется довольно много времени.

– Что это значит?

– Это значит, кроме всего прочего, что владелец автомобиля на нем из гаража не уедет.

– Я попрошу адвоката связаться с владельцем. – Аманда откинула в сторону упавшую на глаза прядь волос. – Мне все равно с ним встречаться.

– С адвокатом?

– Да, – кивнула Аманда. – Это он сообщил о смерти Така и сказал, что мое личное присутствие очень важно.

Доусон захлопнул капот.

– А его имя, случайно, не Морган Тэннер?

– Ты его знаешь? – удивилась Аманда.

– Нет, просто у меня с ним завтра тоже встреча.

– Во сколько?

– В одиннадцать. Судя по всему, как и у тебя?

Потребовалось еще несколько секунд, чтобы Аманда сообразила то, что Доусон уже понял: Так, очевидно, уже давно планировал это маленькое воссоединение. Если бы они не встретились здесь, у Така, то обязательно встретились бы завтра. Когда разработанный Таком план стал ясен Аманде, она вдруг поймала себя на мысли, что не знает, что бы она с большим удовольствием сделала, будь это возможно, – шлепнула бы Така по руке или, наоборот, расцеловала бы его за это.

Должно быть, ее чувства отразились у нее на лице, потому что Доусон сказал:

– Ты, как я вижу, не понимаешь, что затеял Так.

С дерева сорвалась стая скворцов. Аманда проследила взглядом, как они, поднявшись в небо, полетели, меняя направление, рисуя в небе какие-то абстрактные узоры. Когда Аманда вновь обратила лицо к Доусону, тот стоял, привалившись к верстаку. Его лицо наполовину скрывала тень. Как легко ей было здесь, в окружении воспоминаний, увидеть Доусона молодым. Однако она вовремя напомнила себе, что теперь у них разные судьбы, что они, по сути, чужие люди.

– Давно это было, – прервал наконец молчание Доусон.

– Давно.

– У меня тысяча вопросов.

– Всего тысяча? – приподняла бровь Аманда.

Доусон рассмеялся, и Аманда расслышала в его смехе нотку горечи.

– У меня тоже есть вопросы, – продолжила она, – но, прежде чем я начну спрашивать… тебе следует знать, что я замужем.

– Я знаю, – ответил Доусон. – Видел твое обручальное кольцо. – Он зацепился большим пальцем за карман джинсов, прислонился к верстаку и скрестил ноги. – Как давно ты замужем?

– В следующем году будет двадцать лет.

– Дети есть?

Аманда помедлила с ответом, вспоминая Бею: она никогда не знала, как отвечать на этот вопрос.

– Трое, – в конце концов сказала она.

Ее нерешительность озадачила Доусона, и он не понимал, с чем она связана.

– А твой муж? Он бы мне понравился?

– Фрэнк? – Аманда вспомнила свои тягостные разговоры с Таком о Фрэнке и задумалась, много ли уже известно Доусону. Не то чтобы она не доверяла Таку, поверяя свое самое сокровенное, просто она вдруг почувствовала, что Доусон сразу поймет, лжет она или нет. – Мы давно вместе.

Доусон задумался над ее словами, затем оттолкнулся от верстака и мимо Аманды упругой, спортивной походкой направился к дому.

– Так ведь дал тебе ключ? Я бы выпил чего-нибудь.

Аманда удивленно заморгала.

– Постой! Ты это знаешь от Така?

– Нет, – оглянулся на ходу Доусон.

– Тогда откуда?

– Знаю, потому что мне он ключа не присылал, а у кого-то из нас он должен быть.

Аманда постояла еще какое-то время на месте, размышляя и пытаясь осмыслить сказанное, и наконец двинулась за ним следом.

Доусон легко взлетел по лестнице на террасу и остановился у двери. Аманда выудила из сумки ключ и, проскользнув мимо Доусона, вставила ключ в скважину. Дверь со скрипом открылась.

Внутри царила приятная прохлада, и создавалось ощущение, что дом является продолжением леса: кругом были дерево, земля и натуральные краски. Обшитые деревом стены и сосновый пол с годами потускнели и потрескались, а коричневые шторы не могли скрыть щелей под окнами, в которые просачивалась вода. Подлокотники и подушки на клетчатом диване протерлись почти до дыр. Ступка на камине лопнула, а кирпичная кладка камина почернела, напоминая обугленные останки тысяч бушевавших пожаров. Возле двери располагался маленький столик со стопкой фотоальбомов и магнитофоном, по возрасту, наверное, превосходивший Доусона, а также шаткий стальной вентилятор. В воздухе ощущался застаревший запах табака. Открыв окно, Доусон включил вентилятор, и тот с шумом заработал, слегка подрагивая у основания.

Аманда встала у камина, разглядывая фотографию на полке: Так с Кларой в двадцать пятую годовщину их брака.

Доусон подошел к Аманде.

– Помню, как я в первый раз увидел этот снимок, – неуверенно начал он. – Я уже жил у Така в гараже около месяца, и только тогда он впервые впустил меня к себе в дом. Я тогда спросил его об этой женщине, поскольку не знал, что он был женат.

Аманда чувствовала исходящее от Доусона тепло, но старалась не сосредотачиваться на этом.

– Как ты мог не знать, кто это?

– Я тогда был мало знаком с Таком и практически не разговаривал с ним, пока в тот вечер не переступил порог его дома.

– А почему ты пришел сюда?

– Сам не знаю, – покачал головой Доусон. – И понятия не имею, почему Так позволил мне здесь остаться.

– Наверное, он хотел, чтобы ты остался.

– Это он тебе сказал?

– Не напрямую. Но ты появился здесь вскоре после смерти Клары, и думаю, в тот момент именно ты был нужен Таку.

– Я всегда считал, что он принял меня лишь потому, что в тот вечер порядком выпил.

Аманда порылась в памяти.

– Так ведь не пил?

Доусон коснулся простой деревянной рамки фотографии, словно до сих пор не мог понять, что теперь мир существует без Така.

– Это было до того, как ты с ним познакомилась. Тогда он любил заведение «Джим Бим» и, бывало, еле доползал до гаража с полупустой бутылкой в руке. Обычно после этого он вытирал лицо банданой и предлагал мне поискать себе другое место. Первые шесть месяцев, что я жил здесь, он повторял мне это, наверное, каждый вечер. А по ночам я лежал без сна, все думая об этом и надеясь, что наутро он забудет сказанное мне накануне. В один прекрасный день он пришел трезвым и никогда больше мне этого не говорил. – Доусон повернулся к Аманде. Их лица разделяли всего какие-то несколько дюймов. – Он был очень хорошим человеком, – проговорил Доусон.

– Да, – кивнула Аманда. Доусон стоял к ней очень близко, так, что она чувствовала его запах – мыло и мускус. Слишком близко. – Мне его тоже не хватает.

Она отошла в сторону, увеличивая расстояние, и принялась теребить одну из потертых думок на диване. Солнце за окнами стремительно падало за деревья, сгущая в крошечной комнатке сумерки.

– Хочешь пить? – откашлявшись, спросил Доусон. – У Така должен быть сладкий чай в холодильнике.

– Так вроде не пил сладкий чай. Но пепси у него, наверное, есть.

– Давай посмотрим, – сказал Доусон, направляясь на кухню.

Движения его тренированного тела были чрезвычайно привлекательны, и Аманда даже тряхнула головой, чтобы не поддаться наваждению.

– Ты уверен, что мы можем это делать?

– Я почти уверен, что Так ничего не имел бы против.

Кухня, впрочем, как и гостиная, словно бы застыли, будучи помещены в некую капсулу, где время остановилось. Все кухонные приборы были куплены в сети магазинов «Сирс-Робак» 1940-х годов, в том числе и тостер размером с микроволновку, и квадратный холодильник с защелкой. Деревянная столешница рядом с мойкой почернела от воды, а белая краска на шкафах возле ручек облупилась. На выцветших, серовато-желтых от времени шторах с цветочным рисунком, повешенных, очевидно, еще Кларой, виднелись пятна от дыма сигарет Така. Под ножку маленького круглого стола на двоих, чтобы он не шатался, были подложены салфетки. Доусон нажал на ручку холодильника и вытащил оттуда кувшин чаю. Аманда вошла как раз в тот момент, когда он устраивал кувшин с чаем на стойку.

– Как ты узнал, что у Така есть сладкий чай? – спросила она.

– Так же, как и то, что ключи у тебя, – ответил Доусон, доставая из шкафа пару стаканов.

– И все же?

Доусон разлил чай по стаканам.

– Так был уверен, что мы приедем сюда с тобой и, зная, что я люблю сладкий чай, приготовил его мне заранее.

«Конечно, все было именно так. То же с адвокатом», – подумала Аманда. Но Доусон прервал ход ее мыслей, предложив чаю. Она приняла его, и их пальцы соприкоснулись.

– За Така, – приподнял Доусон стакан в руке.

Они соединили свои стаканы, и Аманда почувствовала, как прошлое тянет ее назад. Вот он, Доусон, рядом с ней, его прикосновение взволновало ее, и кроме них двоих в доме больше никого – все это казалось невозможно вынести. Какой-то внутренний голос призывал ее быть осмотрительной, не сулил ничего хорошего и напоминал, что у нее муж и дети. Однако это смущало ее больше.

– Значит, двадцать лет? – наконец произнес Доусон.

Он имел в виду ее брак, но пребывавшая в рассеянности Аманда не сразу поняла, о чем он.

– Почти. А ты? Был женат?

– Наверное, мне не суждено.

Аманда пристально посмотрела на него поверх стакана.

– Все никак не нагуляешься?

– Пока мне хорошо одному.

Прислонившись к стойке, Аманда задумалась, как толковать его слова.

– А где твой дом?

– В Луизиане. Рядом с Новым Орлеаном.

– Тебе там нравится?

– Нормально, не жалуюсь. Когда я приехал сюда, то понял, насколько Луизиана похожа на родину. Правда, здесь больше сосен, а там сплошной мох, но в общем разница незначительная.

– Не считая аллигаторов.

– Пожалуй. – Доусон слабо улыбнулся. – Теперь твоя очередь. Где ты живешь?

– В Дареме. Вышла замуж и осталась там.

– И наезжаешь сюда по нескольку раз в год повидаться с мамой?

Аманда кивнула.

– Когда был жив папа, а дети еще не выросли, родители приезжали к нам. Но когда папа умер, все усложнилось. Мама никогда не любила водить машину, поэтому я теперь езжу сама. – Она сделала глоток чаю и кивнула на стул: – Ничего, если я присяду? Ноги болят.

– Да, как хочешь. А я, пожалуй, постою – устал весь день сидеть в самолете.

Аманда взяла стакан и, ощущая на себе взгляд Доусона, направилась к стулу.

– Чем ты занимаешься в Луизиане? – поинтересовалась она, опускаясь на стул.

– Я рабочий-нефтяник на буровой вышке, что-то вроде помощника мастера. Завожу бурильную трубу в подъемник и вывожу ее оттуда. Моя задача убедиться, что все соединения, все насосы в исправности, чтобы не было сбоев в работе. Наверное, тебе все это трудно представить – ведь ты никогда не была на нефтяной вышке. Но это не объяснить, это можно только увидеть.

– Как это мало связано с ремонтом машин.

– На самом деле моя работа с ремонтом машин имеет гораздо более тесную связь, чем ты думаешь. Я работаю в основном с двигателями и машинами. И по-прежнему ремонтирую автомобили, по крайней мере в свободное от работы время. Мой фастбэк бегает как новенький.

– Ты до сих пор на нем ездишь?

– Нравится мне эта машина, – улыбнулся Доусон.

– Нет, – покачала головой Аманда, – она тебе не нравится – ты ее любишь. Когда-то мне приходилось буквально отрывать тебя от нее. И в половине случаев мне это не удавалось. Странно, что ты не носишь ее фотографию в бумажнике.

– Ношу.

– Правда?

– Я пошутил.

Аманда легко и свободно рассмеялась, напомнив Доусону былые времена.

– И как долго ты работаешь на буровых?

– Четырнадцать лет. Начинал разнорабочим, потом получил квалификацию рабочего и вот теперь рабочий буровой.

– От разнорабочего к рабочему, а потом до рабочего буровой?

– Ну что на это сказать? Такая у нас в океане терминология. – Доусон с отсутствующим видом ковырнул пальцем желобок, вырезанный на старинной стойке. – А ты? Ты, кажется, хотела стать учителем.

Аманда, сделав глоток, кивнула.

– Я преподавала один год, а потом родился старший сын Джаред, и я стала домохозяйкой. Затем родилась Линн, а позже… позже много чего случилось, в том числе умер отец – очень тяжелое было время. – Она сделала паузу, сознавая, как много недоговаривает, но при этом она понимала, что говорить о Бее не время и не место. Аманда выпрямилась и продолжила ровным голосом: – Через пару лет у нас родилась Аннет, и тогда мне уже не было смысла возвращаться на работу. Но последние десять лет я бесплатно работаю в больнице Университета Дьюка, устраиваю для них благотворительные обеды. Бывает тяжело, но мне это дает возможность почувствовать свою нужность.

– Сколько сейчас твоим детям?

Аманда посчитала, загибая пальцы.

– Джареду в августе будет девятнадцать, он окончил первый курс колледжа, Линн семнадцать, она пойдет в последний класс, Аннет девять, она отучилась в третьем классе – милая и веселая девочка. Джаред и Линн в том возрасте, когда им кажется, будто они все знают, ну а я, конечно же, ничего не понимаю.

– Иными словами, они того возраста, что и мы с тобой тогда?

Аманда погрустнела.

– Возможно.

Доусон умолк, глядя в окно. Аманда проследила за его взглядом. Вода в бухте приобрела металлический оттенок. В медленно движущихся водах отражалось темнеющее небо. Старый дуб на берегу не изменился с тех пор, как Доусон видел его последний раз, но от сгнившего дока остались лишь сваи.

– Здесь живет много воспоминаний, Аманда, – тихо проговорил Доусон.

Может, дело в том, как прозвучал его голос, но от его слов внутри у Аманды что-то щелкнуло, словно в скважине какого-то далекого замка повернулся ключ.

– Это правда, – наконец проговорила Аманда и умолкла, обхватив себя руками.

Какое-то время тишину кухни нарушал лишь шум работающего холодильника. Лампа над головой окрашивала стены в желтоватый цвет, на фоне которого профили Доусона и Аманды выглядели абстрактными изображениями.

– Как долго ты пробудешь здесь? – наконец поинтересовалась она.

– У меня самолет рано утром в понедельник. А ты?

– Я обещала Фрэнку вернуться в воскресенье. Однако мама считает, что мне можно уехать в Дарем раньше, что ехать на похороны не обязательно.

– Почему?

– Она не любила Така.

– Ты хочешь сказать – меня?

– Тебя она никогда не знала, – возразила Аманда. – И поэтому не давала тебе шанса. У нее всегда были свои соображения насчет того, как мне жить. При этом мои пожелания никогда не брались в расчет. Даже сейчас она мне, уже взрослому человеку, пытается указывать, что делать. Ни на йоту не изменилась. – Аманда протерла запотевший стакан. – Как-то несколько

лет назад я совершила ошибку – призналась ей, что заезжала к Таку. И она отчитывала меня за это, будто я совершила какое-то преступление, все допытывалась, зачем я к нему ходила, о чем мы разговаривали, бранила меня как маленькую. После этого я перестала ей рассказывать о встречах с Таком – говорила, что ездила по магазинам или повидаться с подругой Мартой на пляже. Мы с Мартой были соседками по комнате, когда учились в колледже, она и сейчас живет в Солтер-Пат, правда, мы не виделись уже много лет, хотя в курсе дел друг друга. Не хочу отчитываться перед матерью, поэтому приходится лгать.

Обдумывая слова Аманды, Доусон сделал внушительный глоток чаю и уставился на жидкость в стакане.

– Пока добирался сюда, вспоминал об отце, каким он был деспотом. Никакого сравнения с твоей мамой. Она таким образом просто пытается удержать тебя от ошибки.

– Хочешь сказать, навещать Така было ошибкой?

– Не для Така, конечно, – пояснил Доусон. – Возможно, для тебя? Все зависит от того, чем ты руководствовалась, и только ты можешь ответить на этот вопрос.

Аманда почувствовала, что занимает оборонительную позицию, но это ощущение быстро прошло, напомнив ей, что подобные стычки у них с Доусоном представляли собой обычную манеру общения. Оказывается, ей так этого не хватало – нет, не ссор, а того доверительного отношения, которое подразумевал спор, и прощения, которое неизбежно следовало за размолвкой. Ведь они в конце концов всегда находили общий язык.

Где-то в глубине души Аманда подозревала, что Доусон проверяет ее, но предпочла оставить свои мысли при себе. Вместо этого она неожиданно для самой себя спросила, перегнувшись через стол:

– Где ты ужинаешь сегодня?

– Не знаю. А что?

– Тут в холодильнике есть стейки. Если хочешь, поужинаем здесь вместе.

– А как же твоя мама?

– Позвоню ей и скажу, что я задержалась.

– Ты уверена, что это хорошо?

– Не уверена, – призналась Аманда. – Я сейчас вообще ни в чем не уверена.

Потирая большим пальцем руки стекло, Доусон молча и внимательно смотрел на Аманду.

– Хорошо, – кивнул он. – Пусть будут стейки. Если только они не испортились.

– Их доставили в понедельник, – сказала Аманда, вспоминая слова Така. – Гриль за домом, если хочешь приступить к делу.

Минуту спустя Доусон вышел на улицу. Но она все равно чувствовала его присутствие в доме, даже когда достала из сумочки свой телефон.

5

Подготовив угли, Доусон вернулся в дом за стейками, которые Аманда уже полила маслом и приправила специями. Открыв дверь, он увидел, что она с банкой свинины с фасолью в руке стоит и с отсутствующим видом смотрит в шкаф.

– В чем дело?

– Ищу что-нибудь к стейку, но ничего, кроме этого, нет, – ответила Аманда, демонстрируя банку в руке. – Негусто.

– И какой у нас выбор? – спросил Доусон, моя руки под краном.

– Кроме фасоли, есть мамалыга, бутылка соуса для спагетти, блинная мука, полупустая коробка рожков и сухой завтрак. В холодильнике масло и специи. Ну и сладкий чай, конечно.

Доусон стряхнул воду с рук.

– Сухой завтрак пойдет.

– Я, пожалуй, выберу рожки, – сказала Аманда, закатывая глаза. – А ты разве не должен сейчас на улице жарить стейки?

– Должен, – ответил Доусон. Аманда подавила улыбку, наблюдая краем глаза, как он взял тарелку и вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

На небе, окрасившемся в густые пурпурные тона, высыпали звезды. Бухта за спиной Доусона выглядела черной лентой, а верхушки деревьев уже начинали серебриться в свете постепенно восходящей луны.

Аманда налила в кастрюлю воды, бросила туда немного соли, включила конфорку и достала из холодильника масло. Как только вода закипела, она высыпала туда рожки и, поискав дуршлаг, наконец обнаружила его в глубине шкафа у плиты.

Когда рожки сварились, она слила воду и снова положила их в кастрюлю, приправив сливочным маслом, чесночным порошком, солью и перцем, после чего быстро разогрела банку с фасолью. Как только ее приготовления были закончены, с улицы с тарелкой вернулся Доусон.

– Пахнет замечательно, – объявил он, не скрывая удивления.

– Сливочное масло и чеснок, – кивнула Аманда. – Беспроигрышный вариант. А как стейки?

– Один с кровью, другой – средней прожарки. У меня и тот и другой получаются хорошо, но я не знаю, что предпочтешь ты. В любой момент могу дожарить.

– Среднепрожаренный сойдет, – согласилась Аманда.

Доусон поставил тарелку на стол и стал шарить по шкафам и ящикам, доставая тарелки, стаканы и прочие принадлежности. В открытом буфете Аманда заметила два бокала для вина и вспомнила, что Так ей сказал во время их последней встречи.

– Хочешь бокал вина? – спросила она Доусона.

– Только если ты составишь мне компанию.

Кивнув, Аманда открыла буфет, о котором говорил Так, и увидела две бутылки. Она достала одну и откупорила, а Доусон тем временем закончил накрывать на стол. Разлив вино по бокалам, Аманда передала один из них Доусону.

– В холодильнике бутылка соуса для стейка, если хочешь, – предложила она.

Доусон нашел соус, а Аманда выложила рожки в одну миску, а фасоль в другую. Они с Доусоном подошли к столу. Разглядывая накрытый стол, Аманда заметила, как тихо поднимается и опускается грудь Доусона. Прерывая молчание, он взял бутылку вина со стойки, и Аманда, качнув головой, опустилась на свой стул.

Она пригубила вино, смакуя задержавшееся во рту послевкусие, и разложила еду по тарелкам. Доусон застыл, уставившись на свою порцию.

– Что-то не так? – нахмурилась Аманда.

Звук ее голоса вернул Доусона к действительности.

– Просто пытаюсь припомнить, когда вот так последний раз ел.

– Ты имеешь в виду стейк? – переспросила Аманда, разрезая мясо и подцепляя вилкой первый кусок.

– Да, все вообще, – пожал плечами Доусон. – На вышке я питаюсь в кафетерии с ребятами, а дома один и, как правило, готовлю что-то примитивное.

– А когда выходишь куда-нибудь? В Новом Орлеане полно мест, где можно хорошо поесть.

– Я почти не бываю в городе.

– Даже когда встречаешься с женщинами? – спросила Аманда, продолжая есть.

– Я ни с кем не встречаюсь, – сказал Доусон.

– Совсем?

Доусон начал разрезать стейк.

– Совсем.

– Почему?

Доусон почувствовал на себе изучающий, выжидающий взгляд Аманды, и заерзал на стуле.

– Мне так лучше, – заявил он.

Аманда замерла на полпути, так и не донеся вилку до рта.

– Надеюсь, это не из-за меня?

– Не знаю, что ты хочешь от меня услышать, – ровным голосом проговорил Доусон.

– Не хочешь же ты сказать, что… – начала она.

Но Доусон промолчал, и она предприняла еще одну попытку:

– Ты что, серьезно хочешь сказать, что… что ни с кем не встречался после того, как мы расстались?

Доусон опять промолчал, и Аманда отложила вилку. Она почувствовала, как в ее голосе появляется раздражение.

– По-твоему, это из-за меня… из-за меня твоя жизнь сложилась подобным образом?

– Я опять не понимаю, чего ты от меня хочешь.

– Я тоже не понимаю, как реагировать на твои слова, – сощурилась Аманда.

– Что ты имеешь в виду?

– А то, что из твоих слов можно заключить, будто я причина твоего одиночества. Что… это моя вина. Знаешь, как я после этого себя чувствую?

– Я не имел в виду ничего такого. Просто…

– Понятно, что ты имел в виду, – огрызнулась Аманда. – И вот что я тебе скажу. Мы любили друг друга, но нам не суждено было быть вместе, наши отношения завершились. Но моя жизнь на этом не закончилась. И твоя тоже. – Она прижала ладони к столу. – Неужели ты думаешь, что я уеду отсюда с легким сердцем, зная, что ты остаток своей жизни проведешь в одиночестве из-за меня?

– Я не просил у тебя сочувствия.

– Тогда зачем так говорить?

– Да я, по сути, ничего не сказал, – ответил Доусон. – Кажется, даже не вполне ответил на твой вопрос. Ты сама читаешь в моих словах то, что хочешь.

– Значит, я не права?

Вместо ответа Доусон взялся за нож.

– Тебе, наверное, известна истина: если не хочешь услышать что-то неприятное, не спрашивай об этом.

Доусону всегда удавалось ответить вопросом на вопрос, и она не сдержалась:

– Ну даже если это и так, не во мне дело. Хочешь погубить свою жизнь – пожалуйста. Кто я такая, чтобы учить тебя?

Доусон, к удивлению Аманды, рассмеялся.

– Отрадно видеть, что ты нисколечки не изменилась.

– Изменилась, уж поверь.

– Не кардинально. У тебя до сих пор что на уме, то и на языке. Даже если речь идет о моей загубленной жизни.

– Тебе обязательно нужно это от кого-то услышать.

– Тогда я попытаюсь облегчить твою совесть. Я тоже не изменился и сейчас один, потому что всегда был одиночкой. До нашего знакомства я всеми силами старался держаться подальше от своей полоумной семейки. А когда я обосновался здесь, Так иногда по нескольку дней мог не разговаривать со мной, а уж после твоего отъезда я попал в исправительную колонию Каледония. Оттрубив свой срок, я уехал из города, потому что все меня сторонились. А на буровой я работаю вахтовым методом, что не очень-то располагает к постоянным отношениям – и это, пожалуй, главная причина. Конечно, некоторые пары легко переживают постоянные разлуки, но есть и такие, что не могут так жить. Мне просто удобнее быть одному, и потом, я к этому уже привык.

– Хочешь знать, верю ли я тебе? – обдумав его слова, спросила Аманда.

– Пожалуй, не хочу.

Аманда невольно рассмеялась.

– Можно тогда задать тебе еще одни вопрос? И если не захочешь отвечать, не надо.

– Спрашивай все, что хочешь, – сказал Доусон, положив в рот кусочек стейка.

– Что тогда произошло в ночь аварии? До меня дошли только какие-то отрывки слухов от мамы, но толком я ничего не знаю.

Доусон молча прожевал, прежде чем ответить.

– Да в общем-то нечего рассказывать, – наконец проговорил он. – Так заказал покрышки для «импалы», которую реставрировал, но их по какой-то причине доставили в магазин в Нью-Берне. И я должен был съездить за ними. В этот день прошел дождь, и когда я возвращался обратно, уже стемнело.

Доусон сделал паузу, в очередной раз пытаясь отыскать смысл там, где его нет.

– Мне навстречу шла машина, и парень нажал на газ. А может, это была женщина, не знаю. Как бы то ни было, а машина выехала мне навстречу перед самым моим носом и мне ничего не оставалось, как резко вывернуть руль. Потом я только помню, как он пролетел мимо меня, а мой пикап наполовину съехал с дороги. Доктора Боннера я заметил, но… – Картина случившегося до сих пор была жива в памяти Доусона, она всегда сопровождала его как некая изощренная пытка. – Все происходило как в замедленной съемке. Я ударил по тормозам, продолжая крутить руль, но дорога и трава были мокрыми, а потом…

Доусон умолк. Аманда дотронулась до его руки.

– Это был несчастный случай, – прошептала она.

Доусон по-прежнему молчал. Но вот он двинул ногой, нарушив тишину, и Аманда смогла задать вопрос, который напрашивался сам собой:

– Почему тебя посадили, если ты не пил за рулем и не превышал скорости?

Доусон пожал плечами, и тогда Аманда поняла, что сама уже знает ответ. Ей все стало ясно.

– Мне жаль, – проговорила она, хотя эти слова не могли передать и малой части того, что она чувствовала.

– Меня не нужно жалеть, – сказал Доусон. – В этой ситуации сочувствия заслуживает семья доктора Боннера. Из-за меня он не вернулся домой. Из-за меня его дети выросли сиротами, а его жена осталась вдовой.

– Ну, этого ты не знаешь, – возразила Аманда. – Может быть, она снова вышла замуж.

– Не вышла, – сказал Доусон. И прежде чем Аманда поинтересовалась, откуда ему это известно, Доусон снова принялся за еду. – А как ты? – спросил он, так резко закрывая тему, что Аманда даже пожалела о затеянном ею разговоре. – Расскажи, что происходило в твоей жизни с тех пор, как мы последний раз виделись.

– Не знаю даже, с чего начать.

Доусон взял бутылку и подлил вина в бокалы.

– Как колледж?

Аманда сдалась и рассказала Доусону обо всем, правда, поначалу в общих чертах, а он внимательно слушал ее, по ходу задавая вопросы, вытягивая из Аманды все новые и новые подробности. Слова лились словно сами собой. Аманда рассказывала о своих соседках по комнате, о занятиях и преподавателях, вдохновлявших ее. Она призналась, что преподавательская работа разочаровала ее, наверное, потому, что она даже после окончания колледжа долгое время все еще чувствовала себя студенткой. Когда она описывала их знакомство с Фрэнком, то при упоминании его имени почувствовала странные угрызения совести, а потому в дальнейшем больше не повторялась. Она вела речь о своих друзьях, о совершенных ею путешествиях, но в основном о детях, об их характерах, трудностях, с которыми она сталкивалась при воспитании, стараясь, однако, не хвастаться их успехами.

Одновременно Аманда расспрашивала Доусона о его работе на буровой, о его жизни дома, но он снова переводил разговор на ее проблемы. Было видно, что его на самом деле интересует все, что связано с Амандой, и поэтому у нее возникло странное ощущение, что этот длинный разговор обо всем и ни о чем конкретно – продолжение некогда прерванной беседы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.